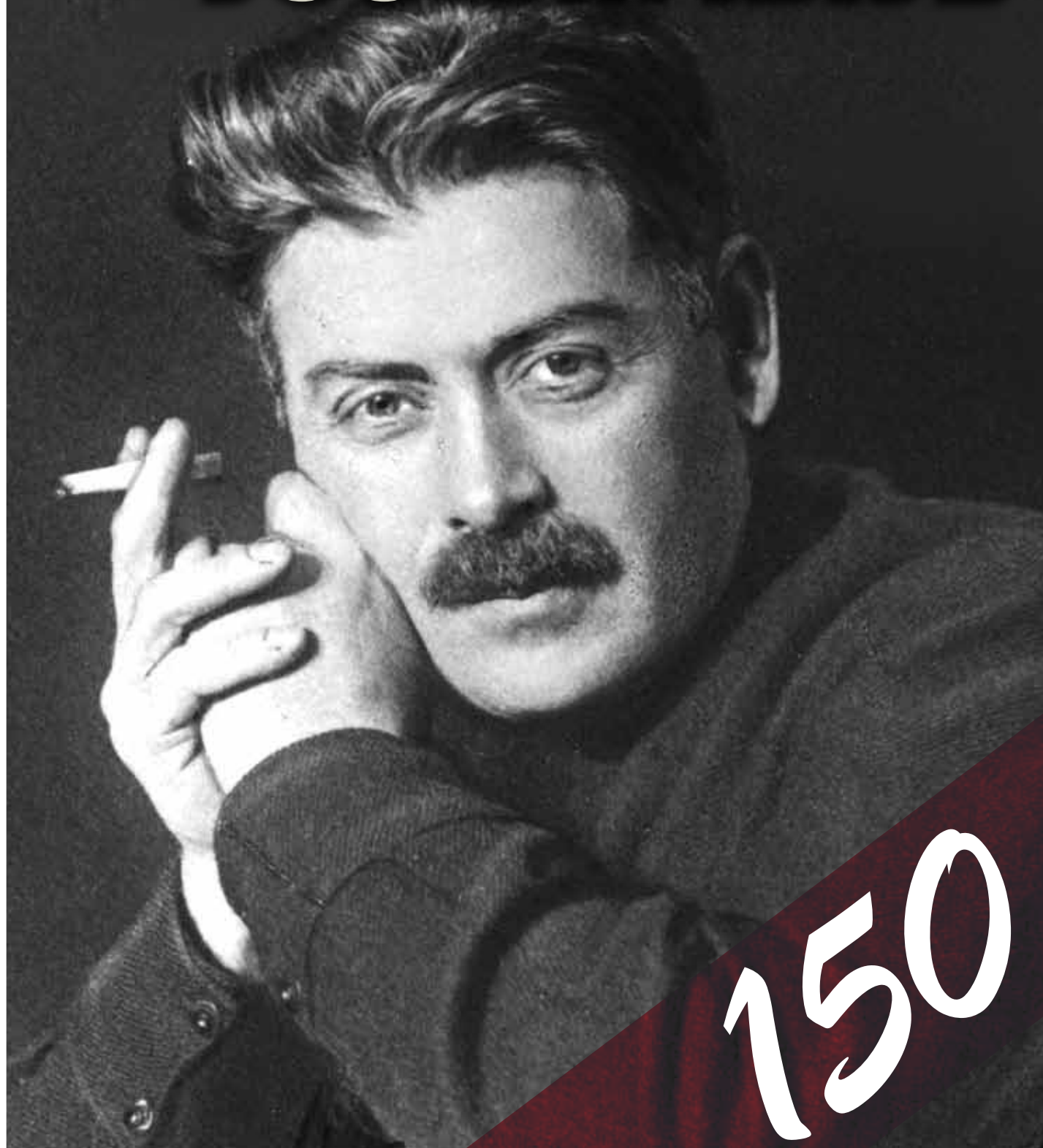

ТР

№6

Июнь 2022

УССКИЙ КЛУБ

150

 ВТБ

РЕДАКЦИЯ

Грузия 0105, Тбилиси,
пр. Руставели, 2
тел./факс: (995 32) 293-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru
www.rcmagazine.ge
www.russianclub.ge

И.о. главного редактора
Нина ШАДУРИ-ЗАРДАЛИШВИЛИ

Заместитель и.о. главного редактора
Владимир ГОЛОВИН

Редакционная коллегия:

Алла БЕЖЕНЦЕВА
Инна БЕЗИРГАНОВА
Эмзар КВИТАИШВИЛИ
Михаил ЛЯШЕНКО

Дизайн и верстка
Давид ЭЛБАКИДZE-МАЧАВАРИАНИ

Допечатная подготовка
Елена ГАЛАШЕВСКАЯ

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ КЛУБ»

Грузия
ЗУРАБ АБАШИДZE
ВАЖА АЗАРАШВИЛИ
НАНИ БРЕГВАДZE
ГУДЖА БУБУТЕИШВИЛИ
РОИН МЕТРЕВЕЛИ
ИРМА СОХАДZE

Армения
КАРИНЭ ХАЛАТОВА

Беларусь
ВАЛЕНТИНА ПОЛИКАНИНА

Великобритания
**КНЯЗЬ НИКИТА ЛОБАНОВ-
РОСТОВСКИЙ**

Израиль
ДАВИД МАРКИШ

Россия
ЗАУР КВИЖИНАДZE
АЛЕКСАНДР ЭБАНОИДZE
ЕЛЕН ДОРИС

Франция
ГРАФ ПЕТР ШЕРЕМЕТЕВ

© ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКЕ ССЫЛКА НА
«РУССКИЙ КЛУБ» ОБЯЗАТЕЛЬНА

В ТОРГОВУЮ СЕТЬ ЖУРНАЛ НЕ ПОСТУПАЕТ

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
C-24

РУССКИЙ КЛУБ

№6
(200)
Июнь 2022

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

«**რუსული კლუბი**»

საზოგადოებრივ-მხატვრული გამოცემა

СОДЕРЖАНИЕ

- 4 ОТ А ДО Я
РОБ АВАДЯЕВ
- 6 ВО ИМЯ ЛЮБВИ, ВО СЛАВУ ГРУЗИИ
- 10 «БЕЗУМНЫЙ ПРОЕКТ» ПОД НАЗВАНИЕМ «СВОБОДНЫЙ ТЕАТР»
ИННА БЕЗИРГАНОВА
- 16 С ЛЮБОВЬЮ К ГРУЗИИ
ЭМЗАР КВИТАИШВИЛИ
- 22 ТАК ГОВОРИЛ ПИРОСМАНИ
ИРИНА ДЗУЦОВА
- 26 ПУТЬ ИДАЛЬГО
НИНА ШАДУРИ
- 32 ИСХОД ЧЕРЕЗ БЕЗЫСХОДНОСТЬ
ВЛАДИМИР ЕРМАКОВ
- 35 ВЕНОК СОНЕТОВ О ТБИЛИСИ
ВЛАДИМИР ГОЛОВИН
- 38 ДОБРЫЙ ТАЛАНТ
- 39 ВЕНЕЦИАНСКАЯ БИЕННАЛЕ-2022:
ХУДОЖНИКИ ГРУЗИИ В АВАНГАРДЕ
АНАСТАСИЯ ХАТИАШВИЛИ
- 42 СЕМЕЙНЫЙ ПОРТРЕТ В ИНТЕРЬЕРЕ
НЕЛЛИ СКОГОРЕВА
- 48 «ЗДЕСЬ МОЙ ДОМ...»
- 49 «НЕПОБЕДИМЫЙ ОРЛЕНОК» ИЗ КАХЕТИ
АНАСТАСИЯ ХАТИАШВИЛИ

На обложке: Котэ Марджанишвили

от а до я

Роб АВАДЯЕВ

ТРОЕ ИЗ ПЕРСИДСКОГО НИШАПУРА

Не претендуя на историческую достоверность, вспомним одну старинную восточную легенду о трех друзьях детства, живших в далеком одиннадцатом веке в средневековом Иране. В богатом и культурном городе Нишапуре в персидской провинции Хорасан в школе-медресе у просвещенного имама Муваффака учились трое талантливых юношей из небогатых семей – Абу Али, Хасан и Омар. Учились они блестяще, и их учитель не мог нарадоваться на таких учеников. Юноши держались вместе и никогда не давали себя в обиду, поддерживая друг друга во всем. И однажды они дали клятву, что если один из них займет важный пост, он поможет обоим также добиться успеха в жизни. И когда ребята повзрослели, один из них – Абу Али – сделал прекрасную карьеру. Он избрал государственную службу сначала Газневидам, а потом сельджукам, стал ни много ни мало Великим визирем и вошел в историю под именем Низам-аль-Мулька («Устроение государства»). Это был выдающийся политический деятель, схожий с французом кардиналом де Ришелье. Он повелевал не только царством, но и фактически

руководил самими повелителями. И к тому же написал великую книгу про искусство управления Сиясатнаме, подобно флорентийцу Макиавелли. Абу Али не забыл о друзьях. С его помощью Хасан также пошел на правительственную службу. Но он был не очень удачлив, к тому же завидовал Абу Али. В итоге его прогнали за интриганство. Хасан обиделся на весь мир и стал в решительную оппозицию к существующей жизни. И превратился в ужасного Старца Горы – Хасана-ас-Сабаха, создавшего орден ассасинов – целую армию религиозных тайных убийц, которых посылал для уничтожения высокопоставленных врагов. Этот страшный человек захватил несколько горных неприступных замков, где готовились убийцы-террористы из числа фанатично верующих исмаилитов-низаритов. Хасан подослал одного из них убить самого Великого визиря. Друг юноши пал под ударом дейлемского кованого клинка. И всю оставшуюся жизнь его убийца – эдакий средневековый Усама-бен-Ладен – просидел среди сырых стен горной твердыни Аламут, выходя из своей кельи только глубокой ночью... А что же их третий друг? Он избрал свой путь – путь в бессмертие. И стал ученым, математиком и астрономом, создал совершенный календарь, которым в некоторых странах пользуются и поныне, а еще он написал много чудных стихов-рубай, прославивших этого поэта в веках. Мы знаем его под именем Омар Хайям...

Обидно, но эту поучительную легенду развенчали еще в позапрошлом веке – не сходились даты их жизней... А легенда красивая!

КОРОЛЬ-БРОДЯГА

Человек по имени Джек Керуак всю свою недолгую жизнь провел в дороге. Странствовал он налегке, взяв с собой минимум вещей и совсем немного денег. Он не всегда знал, что его ждет в дороге, где и под чьим кровом найдет ночлег, кто встретится ему на пути. И, судя по всему, планов Джек никогда не строил. Однако книгу о такой жизни написал – он так ее и назвал «В дороге». И вошел в историю. Долгие шесть лет никто не хотел ее печатать, а потом издали и не пожалели. Книга стала культовой. Ее издают и издают уже долгие десятилетия. Ведь она превратилась в настоящую библию битников – это такое явление западной культуры. Название «битники» происходит от выражения «beat generation», т.е. «разбитое поколение» по аналогии с «потерянным поколением». Так молодых людей, выживших в Первой мировой войне, назвала знаменитая Гертруда Стайн. Чем-то эти поколения, разделенные двумя десятилетиями, действительно были похожи. Разве что «потерянные» были поталантливее «разбитых» и оставили в истории культуры куда больший след – Ремарк, Хемингуэй, Фицджеральд, Шервуд Андерсон, Селин, Эзра Паунд, Олдингтон, Барбюс, Дос Пассос и еще несколько десятков имен. Битники же были творчески поскромнее, но пошумнее и заметнее в толпе. Их демонстративная асоциальность, вызывающий внешний вид и под стать этому всему поведение – шумные вечеринки под громкую музыку быстро попали в газеты и стали темой обсуждения и осуждения обывателями. Субтильные парни, как бы сейчас сказали «ботаны», носящие сандалии, черную одежду, темные очки, свитера в полоску «под горло», береты и козлиные бородки, проводящие время в пустых беседах, слоняющиеся из одной кофейни в

другую, нигде не работающие и любящие музыку. Нормальные граждане считали их бездельниками и пустоцветами, относились к ним с неприязнью, как позднее к их наследникам-хиппи. Само слово «битники» (кстати, нелюбимое самим Джеком) было почти ругательством. А они всего лишь любили джаз, были довольно безобидными чудаками и совсем не агрессивными.

И Джек стал их гуру. Своим почти автобиографическим романом «В дороге» Керуак попал в точку – он сумел рассказать о своем поколении, описать мысли молодых современников. Редкостной удачей, которую сам Джек и не ожидал, оказалась свалившаяся на него популярность. А вроде просто жил, бродяжничал, тусовался, пил в дороге с кем-то, слушал их рассказы, потом все это описал... и получилась правда. Его книга повлияла на таких неординарных людей, как Боб Дилан, Том Роббинс, Уильям Гибсон. Керуак родился век назад, весной 1922 года и прожил всего 47 лет. Конечно же, Джек написал и другие романы, но они были уже о другом, в них не было тех революционных идей, которые были в «Дороге». А еще он сказал замечательно – «Когда дойдешь до вершины, продолжай восхождение».

ПАМЯТНИК КОТЭ МАРДЖАНИШВИЛИ

Все мы, глядя на скульптурные изображения великих людей, часто не думаем, что они были живыми людьми – веселыми, остроумными и подчас хулиганистыми. Стоя перед памятником Пушкину, мы не сразу вспоминаем, что кроме «Евгения Онегина», «Маленьких трагедий» и блестящих лирических стихотворений, он еще любил сквернословить и ерничать в эпиграммах типа «В Академии наук заседает князь Дундук», или в стихотворении про телегу жизни, где у него есть строки «И, презирая лень и негу, Кричим: «пошел... мать!» Все не печатные слова во все времена издатели заменяли легко понятными отточиями. И не только у Пушкина. А Лермонтов, а Толстой? Не говоря уже про современных творцов. Но сегодня мы вспомним далекий революционный 1917 год, когда в голодном зимнем Петрограде трое веселых друзей – поэт Николай Агнивцев совместно с великим грузинским режиссером Константином Марджановым (Котэ Марджанишвили) и конферансье Федором Курихиным открыли кабаре «Би-ба-бо». И все шло хорошо, посетители по окончании серьезных спектаклей валили в это заведение-клуб валом. Пока весной 1918 года артист Иван Вольский не исполнил для почтен-

ной публики со сцены злободневные куплеты с упоминанием имен новых властителей – комиссаров Луначарского, Чичерина и других. Публика хохотала. Агнивцев частенько был чуточку непристоен, а тут новые бонзы «подставились» со слухами о неправильной ориентации и излишним сластолюбию, не считая намеков на материальную нечистоплотность. И, как ни жаль было талантливого начинания, кабаре пришлось закрыть, а то по тем временам можно было и в ЧеКу на Гороховой угодить. Всем посетителям было безумно жаль – режиссер Марджанов очень здорово и с блеском ставил эстрадные номера. Сказывалась грузинская музыкальность, бесшабашная отвага и пылкий южный темперамент. Жаль, что в те времена не было видеозаписи! И сейчас, в дни столетия десятилетнего юбилея Котэ Марджанишвили, которое будет широко отмечаться в нашей стране, мы не станем говорить обо всех важнейших событиях его блестящей и плодотворной жизни – для этого есть книги и интернет. Просто вспомним несколько штрихов характера чудного Творца. О режиссерском стиле Марджанишвили с восторгом вспоминали работавшие с ним актеры. Он никогда не делил их на серьезных и несерьезных, охотно утверждая на главные роли даже артистов из оперетты, говоря, что они музыкальны, подвижны и «умеют делать все». Репетиции Марджанова были вдохновенными. Конечно, пьеса у него всегда была «сделана» в голове со всеми подробностями, но, встретившись с актерами, он начинал вместе с ними творить тут же, на сцене. По воспоминаниям, Марджанишвили замечательно работал с актерами, «подбрасывая» деталь, жест, интонацию. «И с каждой репетицией роль становилась глубже, вернее, ярче. Актеры играли у него в большинстве случаев во всю полноту своего дарования, ибо любой маленький актерский намек он немедленно развивал, обогащал, доводил до предельной яркости». Постановки Марджанишвили в разных театрах пользовались большим успехом – в Художественном он служил в 1910-13 годах и поставил «Пера Гюнта» Ибсена, «У жизни в лапах» Гамсуна, работал вместе с Немировичем-Данченко над «Братьями Карамазовыми» и со Станиславским и Гордоном Крэггом над «Гамлетом». А уйдя из МХТ, Константин Александрович основал знаменитый Свободный театр. И здесь он по-настоящему развернулся со своими друзьями Таировым и Саниным. Был большой успех, но в дело вмешался бизнес – никакие аншлаги не могли покрыть огромных расходов на спектакли. И дело со

Свободным после первого же года заглохло. А Котэ Марджанишвили перебрался в Питер, став главным режиссером петроградской оперетты «Палас-театр». Как вспоминал один из его актеров: «Марджанов, если ему давали возможность антрепренеры, тратил на постановки многие тысячи. Курьезно, что он себя считал при этом страшно деловым человеком: «Меня не объегорят, я сам ловкач», – говорил он. А его объегоривали всю жизнь! Этот «ловкач» даже не мог определить, сколько ему полагается получить за спектакль...» Он был очень небогатым, почти бедняком. Говорили, что все его имущество, кроме элегантного черного сюртука и серого френча, состояло из «двух ящиков книг, чемодана с кое-какими носильными вещами и бронзовой чернильницы екатерининских времен с двумя медведями». Богатство Марджанишвили было в другом, в его невероятном таланте и широком размахе души. От него осталось его детище – современный грузинский театр. А его облик сохранен в фотографиях, картинах, почтовых марках и в станции Тбилисского метро его имени, которое украшает скульптурное изображение режиссера. Но будем помнить, глядя на него, что были не только великие спектакли, но и хулиганистые развеселые куплеты кабаре «Би-ба-бо»...

Николай Свентицкий

ВО ИМЯ ЛЮБВИ, ВО СЛАВУ ГРУЗИИ

Дорогие друзья!

Мне и самому в это трудно поверить, но вот он, 200-й номер журнала «Русский клуб», – у вас в руках.

С того памятного октября 2005 года, когда вышел в свет самый первый номер, прошло без малого 17 лет. 200 месяцев. А все помнится, как вчера.

Идея, в общем-то, лежала на поверхности: сделать русскоязычное издание о культуре Грузии, обо всем прекрасном, что объединяет нас с вами, несет свет и любовь.

Дело в том, что на тот момент в Грузии издавалось много газет и журналов, повествующих о политических потрясениях и социальных проблемах. Выходили и такие издания, которые старались развлечь-отвлечь сограждан кроссвордами, кулинарными рецептами и светскими слухами. А вот ниша общественного журнала, который бы вынес на свои знамена три слова – «культура», «просвещение», «миротворчество», по-прежнему пустовала. И мы ее заняли.

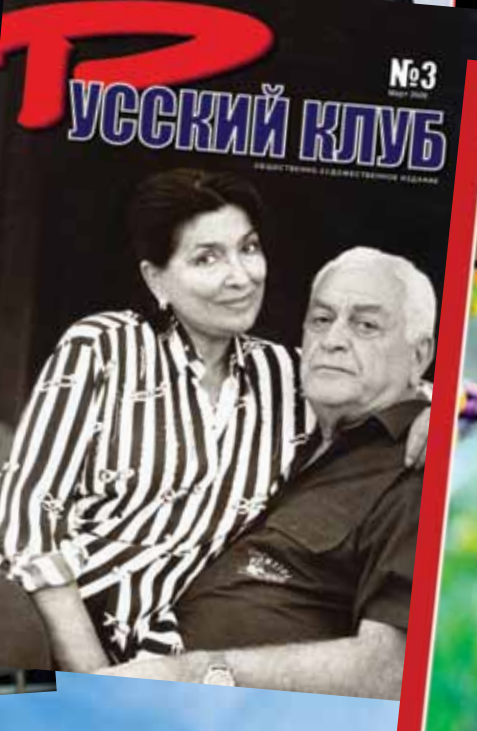
Проницательный и мудрый Католикос-Патриарх Илия Второй сразу оценил значение проекта и осенил издание своим драгоценным благословением. И мы по-прежнему хорошо осознаем, что это не только высокая честь, но и огромная ответственность.

На предложение о сотрудничестве с готовностью откликнулись лучшие творческие силы – журналисты, литераторы, дея-

Кети Долидзе, Николай Свентицкий, Гуранда Габуня и Эльдар Шенгелая

тели искусства, спорта, науки, религии из самых разных стран, и на наших страницах засверкали самые уважаемые и почитаемые имена.

Редакционную коллегию возглавил Александр Сватиков. Более 16-ти лет, даже в самых критических условиях, Александр Ярославович уверенно руководил журналом, отдавая ему все свои силы и таланты. Большое ему спасибо!

Перелистывая журналы, изданные в разные годы, я ловлю себя на мысли, что у меня – честное слово! – голова идет кругом. Самые блестящие авторы, самые интересные темы, самые яркие события, самые знаковые собеседники! Есть чем гордиться. Неслучайно – о чем я вспоминаю с радостью и гордостью – выход в свет 100-го номера журнала стал большим праздником, и в тот наш юбилей, как говорится, «все звезды в гости были к нам».

Сейчас, оглядываясь на пройденный путь, я ясно понимаю: это наш самый важный проект. Мы, честно делая свое дело из года в год, оказались носителями высокой миссии – и творческой, и, что самое важное в наши дни, миротворческой. А журнал стал поистине ярким явлением в общественной жизни Грузии – проектом, можно сказать, государственного масштаба и значения. Из периодического издания он превра-

тился в настоящую культурную летопись страны, своего рода энциклопедию многовековых грузино-русских взаимоотношений, «невзорванным мостом» (говоря словами Патриарха), который надежно соединяет грузинских и русских читателей.

Вы можете открыть любой номер, начиная с самого первого, и в каждом непременно найдете что-то интересное для себя. Более того, убедитесь, что журнал не стареет. Да он и не может устареть или постареть – потому что мы писали и пишем только о самом значимом, о непреходящем. О том, что – надолго.

И если вы поставите на свои книжные полки все 200 номеров, можете быть уверены: перед вами – более 11 тысяч страниц, около 3 тысяч публикаций, около полутора тысяч героев, более двухсот авторов, и все это – о Грузии и для Грузии, во имя любви и добра, во славу мира и согласия.

Закономерно, что выдающиеся представители нашей культуры никогда не скупились на добрые слова в адрес журнала. Чабуа Амирэджиби, Джансуг Чарквиани, Гига Лордкипанидзе, Роберт Стура, Темур Чхеидзе, Роин Метревели и многие другие наши замечательные соотечественники (словно сговорившись!) в разные годы удостоивали «Русский клуб» высокого определения «самый

патриотический журнал Грузии». Эти слова для нас – самая дорогая награда.

Я благодарю всех наших авторов – за талант и преданность, всех героев публикаций – за искренность и отзывчивость, всех сотрудников нашей небольшой, но героической редакции – за стойкость и самоотверженность.

Светлая память нашим дорогим коллегам, чьи статьи публиковались с самого первого номера и до последних дней их жизни, тем, кто всегда стоял рядом, кого так не достает. Вспомним поименно: Арсен Еремян, Вера Церетели, Нелли Узнадзе, Гулбат Торадзе, Владимир Саришвили, Дэви Бердзенишвили, Валентин Никитин, Валерий Партугимов, Клара Бараташвили, Нонна Элизбарашвили...

Друзья!

Я знаю, что наш журнал вам интересен и дорог. Каждый день мы получаем много сообщений со словами благодарности. Это очень, очень важно для нас – мы чувствуем, что наш труд не напрасен, и готовы трудиться с удвоенной энергией, чтобы радовать вас, дорогие читатели!

Поздравим друг друга с нашим общим праздником – с юбилейным номером!

Всегда и искренне Ваш,
Николай Свентицкий

**«БЕЗУМНЫЙ ПРОЕКТ»
ПОД НАЗВАНИЕМ
«СВОБОДНЫЙ ТЕАТР»**

■ **Инна БЕЗИРГАНОВА**

В июне театральный мир отмечает 150 лет со дня рождения великого режиссера Котэ Марджанишвили (1872-1933). Международный культурно-просветительский Союз «Русский клуб» подготовил к юбилейной дате книгу, посвященную мастеру. Предлагаем читателям фрагмент из этого издания.

...Осуществить свою мечту об универсальном, синтетическом сценическом искусстве Котэ Марджанишвили попытался в легендарном Свободном театре, который кто-то назвал «безумным проектом». Уже обладая солидным режиссерским опытом, приобретенным за годы работы в российской провинции, пройдя школу МХТ, он мечтал о том, чтобы Свободный был построен на его художественно-эстетических и гражданственно-мировоззренческих принципах, стал выразителем его творческого кредо. Мечта осуществилась, но ненадолго. Свободный радовал и удивлял зрителей только один сезон, с 21 октября 1913 года по 2 мая 1914 года, и в этот короткий период времени на одной сцене играли оперные, балетные и драматические артисты, комики и трагики, артисты цирка и оперетты и даже животные. Однако его значение для развития театрального искусства стострашно ответственное дело» – а по-другому он и не умел. В своем манифесте Марджанишвили попытался заразить «серьезным» отношением к новому проекту тех, с кем собирался строить Свободный театр.

«В руках каждого из нас наше будущее, судьба наша и судьба нашего молодого театра. К нам будут беспощадны. Вот почему мы должны крепко сплотиться, беспрестанно помогать друг другу и помнить, что наша первая победа – дисциплина. Эта внутренняя дисциплина – чувство любви и беззаветной преданности источнику нашей жизни» – с такими словами режиссер обратился к артистам новоиспеченного театра.

В труппу вошли лучшие актеры – будущая звезда Камерного театра Алиса Коонен, последовавшая за Марджанишвили после его ухода из МХТ, артисты драмы Мария Андреева, Николай Асланов, выдающийся опереточный артист любимец Станиславского Николай Монахов, Ольга Голубева, Александр Зиновьев, солисты оперы Татьяна Розова, Вера Макарова-Шевченко, Александр Дракули, Александр Каратов, выпускники Московской консерватории, сценографы Константин Сомов, Виктор Симов, Анатолий Арапов, тесно связанные с Художественным театром. Режиссе-

рами были Александр Таиров и Александр Санин.

Новый театр обосновался в здании «Эрмитажа», которым владел известный меценат Сергей Иванович Щукин. Его переоборудовали, заново отделали. Вот как описывает свое впечатление от увиденного очевидец: «Фойе произвело на меня очень хорошее впечатление. Диванчики, даже с вышитыми подушками, драпировки, много живых цветов – все это придает театру какой-то интимный, приятный характер. Зрительный зал тоже обставлен мило, уютно, со вкусом. Дубовые деревянные ложи. Хороший свет... Словом, все хорошо, удобно, приятно, видимо, сделано с любовью».

Конечно, вся эта любовь требовала огромных затрат и вложений. Котэ Марджанишвили удалось увлечь своими смелыми идеями богача В.П. Суходольского, ставшего пайщиком Свободного. Он был человеком, далеким от театра, но ему хотелось выступить в качестве мецената, причастного к большому, перспективному делу.

Приступая к осуществлению своего грандиозного проекта, Котэ Марджанишвили провел мощную подготовительную работу. Он отправился за границу и попытался наладить творческие связи с выдающимися деятелями мирового театра Максом Рейнгардом и Гордоном Крэгом, познакомился с современными европейскими творческими достижениями и технологическими новшествами. Поглощал специальную литературу, собирал книги по искусству. Как пишет М. Любомудров, в Германии Константин Александрович купил книгу с описанием и чертежами Дрезденского Королевского театра и любопытным купольным горизонтом, сооруженным Адольфом Линнебахом (технический директор А. Линнебах реализовал самую современную сценическую систему того времени).

Свободный театр был открыт оперой Мусоргского «Сорочинская ярмарка». Спектакль поставил Александр Санин, с которым Марджанишвили встретился в Париже и предложил сотрудничество. На премьеру, состоявшейся 8 октября 1913 года, собралась вся куль-

турная элита столицы.

«Рампа и жизнь» (№ 41, 1910 г.) ярко живописует акт появления на свет нового театрального образования: «Редко рождение какого-то театра происходило в такой напряженной атмосфере, как рождение Свободного театра. «Можно ли представить экзаме́н труднее того, который мы держим», – говорили артисты Свободного театра. И генералка, и премьера «Сорочинской ярмарки» собрали всю Москву, весь литературный, театральный Олимп. Москва не помнит такой торжественной генеральной репетиции. Зал театра представляет удивительно интересную картину. Особенно внушительно выглядел первый ряд, в котором стояли огромные вольтеровские серые кресла. Здесь виднелась характерная седая голова Станиславского, А.И. Южин, М.Н. Ермолова, Коровин, С.И. Мамонтов, Ал. Бенуа. Всюду в партере, ложах писатели, художники, музыканты. Реалисты, символисты – все смешалось в одно. Валерий Брюсов и Телешов, Скрябин и Брандуков, Семен Юшкевич и Ал. Толстой, похожий на старинный портрет. Из художников Миллиотти, Пастернак и др. На премьеру присутствовали управляющий конторой Императорских театров Обухов, Вл. Ив. Немирович-Данченко. С огромным интересом собравшиеся рассматривают театр – он совершенно неузнаваем. Ничего не осталось от старого сарая, насквозь пропитанного специфическим ароматом оперетки и фарса. Строгие белые стены отделаны темным деревом и очень напоминают Художественный театр. Поставлены удобные кресла, со вкусом отделаны фойе. Прелестен занавес работы Сомова, – он весь сшит из отдельных кусочков материи и ласкает взгляд яркими и в то же время нежными красками. Звонков нет, они заменены электрической сигнализацией. До начала действия зал залит холодным, таинственным лунным светом. Лампочки скрыты, и этот свет производит большое впечатление. В антрактах коридоры погружены в полумрак. Это настраивает публику серьезно. Пестрая, яркая толпа выглядит очень эффектно в этом освещении. В антрактах шумные раз-

Афиша Московского Свободного театра

говоры, споры. Мнения публики раскололись резко. Вспоминали начало Художественного театра в этом же здании. Восхищались музыкой Моцарта, Монаховым. С восторгом говорили о ярком солнце, которое дал Санин. И после репетиции, и после спектакля дружно и громко аплодировали. Аплодировали Станиславский, Бенуа. Во всяком случае интерес Свободный театр вызвал значительный».

Режиссер Санин изначально стремился всесторонне охватить произведение Мусоргского, чтобы в его постановке взаимодействовали «все рода творчества». Синтетический спектакль, в котором вокал перемежался с диалогами и хореографией, требовал от исполнителей соответствующих навыков и умений, подготовки. Главная трудность заключалась в достижении органичности переходов от пения к диалогам и наоборот. Кому-то не понра-

вился чрезмерный натурализм в воспроизведении быта (в спектакле были задействованы живые волю, за которыми Марджанишвили поехал на Украину и привез их в Москву вместе с пестрой шумной ярмаркой), оформление художника В. Симова, добивавшегося жизненной достоверности. Но при этом многие критики отмечали «смелый отход от установившегося шаблона оперного спектакля, преодоление оперности» или, точнее, оперных штампов в исполнении.

Мнения разделились. На критика Александра Койранского, опубликовавшего рецензию на страницах журнала «Театр и искусство» (№41, 1913 г.), «Сорочинская ярмарка» произвела впечатление ретроградного спектакля. «Декорации в детальном и натуралистическом духе передаются в том роде, как они ставились десять лет назад в Художествен-

ном театре, живые волю и лошади на сцене, нагромождение бутафории и этнографических подробностей, – все это дышало чем-то уже пережитым, уже не нужным театру, все это звало назад, к Маковскому, передвижникам, к постановке «Власть тьмы» на сцене Московского Художественного театра. Должно ли было ждать такого спектакля от театра, о новаторских замыслах, неограниченных средствах, новых приемах творчества, новых руководителях которого так много говорилось и писалось за последние полгода? И должно ли предположить, что и дальнейшая работа театра сложится в этом направлении?»

Рецензент со всей серьезностью пишет о «грехе натурализма», предостерегает от него создателей Свободного театра, как от какого-то зла, и выражает надежду, что новому творческому коллективу удастся этого избежать в дальнейшем: «Репертуар Свободного театра крайне разнообразен. Предвидится постановка «Принцессы Мален», «Желтой кофты», «Прекрасной Елены». Едва ли в этих будущих постановках театр опять может впасть в грех натурализма. Есть основания предполагать, что и художественная сторона попадет в руки подлинных художников, а не безымянных декораторов-ремесленников. Пока же художественные впечатления, вынесенные из первого спектакля, ограничиваются тем, что дает занавес, выполненный по эскизу К. Сомова. Не совсем удачный по пропорциям, он все же чарует красотой и изысканностью колорита, и тем острым театральным духом маскарадного праздника, который так свойствен творчеству Сомова».

В целом позитивной была оценка М. Юрьева на страницах журнала «Рампа и жизнь» (№41, 1910 г.): «Здесь создавали не просто живое и веселое представление. Здесь в соответствии с желанием Мусоргского стремились к натурализму, к «правде» на сцене. Задачей режиссера было связать сцены с музыкой и сцены без музыки, отрывки оперы и повести в одну, развертывающуюся без натяжек и внутренней фальши, натуралистическую картину. Это и было с большим

искусством выполнено в постановке Санина. Он сумел почувствовать всю выразительность и натуралистическую характерность музыки Мусоргского и дать сценическое действие, крепко спаянное с музыкой. Сценическая постановка замечательна и по технике, и по вдохновению режиссера...».

Что бы ни писали некоторые критики, первый спектакль Свободного театра имел грандиозный успех. Как вспоминает участница «Сорочинской ярмарки» О. Голубева, «все было интересно. Оркестр звучал чудесно; все исполнители со свежими молодыми голосами не только пели, но и хорошо играли, а хор и общие сцены поражали... В общем спектакль оказался радостным и необычным. Публика расходилась оживленная и довольная, а мы сияли, поздравляли друг друга...» «Сорочинская ярмарка» прошла пятьдесят раз».

Высоко оценил первый спектакль Свободного театра маэстро Константин Станиславский в своем письме дочери Кире: «Впечатление великолепное. Санин молодец. Опера и музыка Мусоргского чудесные. Молодежь выучена хорошо. И несмотря на конкуренцию, на душе было весело и отрадно. Театр превосходный. Занавес Сомова из лоскутьев – прекрасный. Успех большой и освежающий. Опять веришь в театр и в его силу».

Вопреки опасениям критиков, что Свободный театр не преодолел натуралистические увлечения, следующей его премьерой стал спектакль, стилистически противоположный «Сорочинской ярмарке». Это была оперетта «Елена Прекрасная» Оффенбаха на новый текст Л.Г. Мунштейна в постановке Котэ Марджанишвили. Режиссер продолжил поиск новых средств выразительности синтетического театра.

Обратимся к воспоминаниям О. Голубевой: «Эта постановка была уже совсем необычной и должна была или решительно покорить зал, или провалиться. Музыка Оффенбаха была полностью восстановлена (обычно ее давали с большими купюрами); Мунштейн заново перевел текст.

Первый акт – «Эллада». На фоне черного бархата во всю высоту сцены стоит изящной

формы красноватая этрусская ваза: по ней в два ряда, вверху и внизу, лентой движутся фигуры исполнителей в белом и черном. Каждая поза, каждое движение как отдельных исполнителей, так и целых групп – оживший рисунок греческой вазы. Во всем акте ни одной скабрёзной ноты, никакого фиглярства, ничего банального и пошлого. Юмор, легкая и острая насмешка звучали все время и в столах хора, молящего богов о ниспослании любви, и в жалобах Елены, и в сцене жрецов, и в рассказе Париса...

Второй акт в постановке Марджанова происходил во Франции. Эпоха Людовика XIV. Елена – парижанка, Калхас – прелат, Парис – маркиз и т. д. Вся сцена представляет собой одну громадную кровать под балдахином, золоченые гирлянды и амуры. На этой кровати происходит все действие. Парис появлялся из складок балдахина, спускаясь на лебедке. Во время его любовного дуэта с Еленой все оживало: золотые амуры – барельефы, сняв золотые гирлянды цветов, танцевали вокруг любовников.

Эта картина была очень красива и остроумна, но в художественном отношении все же стояла ниже первого акта. А благодаря огромному количеству материи, составлявшей балдахин, мягкому матрацу и коврам, голоса звучали глуховато.

В постановке этой картины сказала характерная особенность творчества Марджанова:

Карикатура. К.А. Марджанов уезжает из «Свободного театра». Художник П.П. Иванов (Мак), 1913 г.

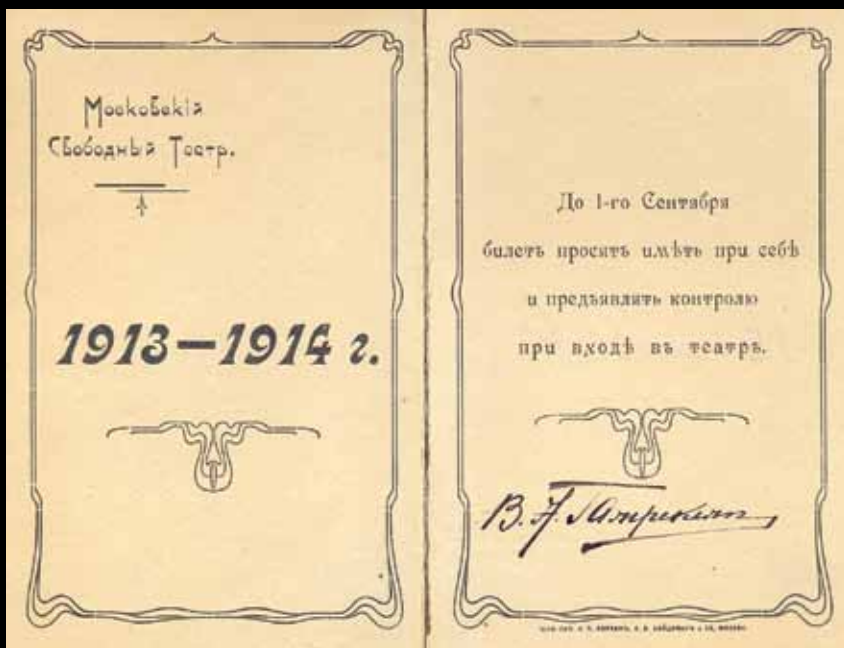
если материал, в котором он воплощает свою фантазию, сразу ему не подчинялся, он быстро начинал терять терпение.

Удивительно относилась к делу наша молодежь: золотые амуры – молодые артистки, затянутые золотым газом, – лежали в завитках орнамента кровати в самых трудных позах около сорока минут, пока длился акт, совершенно неподвижно: публике и в голову не приходило, что это не скульптурные фигуры, а потому, когда к концу акта амуры «оживали» и, выступив из завитков, начинали танец, эффект получался необычайный. Бедные амуры уставали страшно, но никогда ни одной жалобы, ни одного отказа! Так надо было для спектакля, и этого было довольно.

Третий акт. По замыслу это должна была быть наша современность (1913 г.) – Кисловодск, галерея нарзана. Елена – светская львица, Калхас – модный курортный врач, Орест – лицеист, Агамемнон – губернатор и т.д. Но Марджанову пришлось отказаться от этой мысли – слишком мало времени оставалось: нельзя было дальше затягивать открытие театра: слишком дорого обошлась бы такая постановка акта. Марджанов уже начинал нервничать. Но он вышел из положения, воспользовавшись вертящейся сценой: он устроил на ней карусель и посадил действующих лиц в лодки и на коней карусели. Дав затем стремительный темп начала акта, он завертел, зазвенел и

засверкал этой каруселью перед разинувшей рты публикой.

Постановка была до того необычна, что публика, внимательно слушавшая оперетту, растерялась и не знала, как отнестись к новому спектаклю. На спектакле присутствовали и все старые опереттоманы. Они так любили старую оперетку с ее фривольностью, и теперь в антрактах говорили: «Да, красиво, да, музыкально, ах, Вельская! ах, Родон! ах, Зорина... Знаете, не хватает чего-то... шампанского мало».

Обрушились на Марджанова и газеты: закрыв глаза на все новое, что было дано в спектакле, рецензенты преувеличивали и раздували его недостатки».

Один из примеров такого «раздувания недостатков» — рецензия Владимира Боцяновского. «Я попал только ко второму акту оперетки, и когда открылся занавес, некоторое время протирали глаза, ибо не верил им. Это была действительно не «Прекрасная Елена», а «Елена Прекрасная» или даже не прекрасная. Как известно, второе действие оперетки происходит во дворце у Елены, где цари играют в кости, где Парис овладевает Еленой «хитростью» и т.д. и т.д. Представьте себе, что вся сцена была обращена изобразительным режиссером в огромную кровать в стиле Louis XV с бронзовыми группами, составленными из живых полуобнаженных женщин. Этим не-

счастливым статисткам пришлось страдать в самых нелепых позах почти в течение целого акта и только для того, чтобы в конце ожить и во время «сновиденья» Елены выполнить танец, очень напоминающий знаменитые «качели» в «Веселой вдове»... Да, так вот кровать... На ней, конечно, куча подушек. Заметьте, что кровать вдоль всей рампы, от одной кулисы до другой, и вы даже сразу не догадаетесь, что это колоссальное ложе! Но кровать — это еще что! На этом ложе все время валяется Елена Прекрасная в костюме маркизы и парике. К ней приходят цари — тоже в огромных париках, камзолах, на красных каблучках... Калхас — в красной сутане римского кардинала. Все они валяются на подушках огромной кровати. Голоса у них вообще слабые, а в подушках и вообще тонут, а уж о том, чтобы играть, конечно, и думать нечего. Прекрасная Елена, исполняющая свою партию в подушках, в третьем акте катается на карусели. На сцене настоящая вертящаяся, пестрая, яркая, сверкающая шелками и мишурой! На деревянных лошадках катаются дамы и пилоты в самых современных костюмах. Цари, которые до сих пор щеголяли однообразными маркизами, теперь переоделись в современные формы. Ахилл — генерал, Агамемнон — в шитом чиновничьем мундире, Орест — в мундире лицеиста в треугол-

ке, Менелай выезжает в ванной с душем, а Парис прилетает в костюме пилота на аэроплане!.. Карусель эта вертится, причем время от времени останавливается, невидимый режиссер ставит боковые ширмочки, которыми отделяет по очереди одну из ее ячеек, и герои, замкнутые в такую ячейку, поют и говорят то, что им полагается. Чепуха получается невероятная. Я не хочу даже разбираться в том, что хотел показать режиссер. Он скажет, что хотел показать Елену в веках. Пусть говорит, что хочет... Прямо недоумеваешь, куда девалась очаровательная, играющая, словно вино в бокале, музыка Оффенбаха, куда пропали все забавные, местами колкие положения. Все пропало, ибо все переделано вплоть до музыки и текста... Московский режиссер в переделке текста пошел так же далеко, как и в постановке... Нет-нет, да вдруг услышите цитату из Фета, Некрасова... Вдруг Калхас вас ошарашит ссылкой на Кнута Гамсуна. «Подойдите-ка к ней да расспросим!» — говорит один герой. «Ряд волшебных изменений милого лица!»; говорит другой, и т.д. и т.п. Все это действительно ново, как... новое золото в гостиной нового мещанина во дворянстве. И вот результаты. В то время как в старой оперетке, поставленной по старинке, даже в самом бедненьком летнем театре, играет жизнь, слышится смех, здесь, среди этой роскоши, среди этой бьющей новизны, все время царит скука, зрители зевают, а многие даже уходят, не дождавшись конца и не одобравшись даже «роскошным» занавесом театра, скроенным по эскизу Сомова».

Я. Львов, автор отклика в журнале «Рампа и жизнь» (№42 1913 г.), восторженно воспринял первый акт спектакля, посчитав его «прелестным». «Он выдержан в античном стиле, причем г. Марджанов нашел и схватил стиль гротеска, нашел новые, смелые, интересные группировки, яркие краски. Сама мысль дать разрез Этрусской вазы восхитительна. Это остроумно, ново и совершенно в духе оффенбаховской сатиры. Цари, толстые, грузные, сидящие наверху, и толпа, простирания снизу руки, — все это очень хорошо. Группировка тол-

пы великолепна. Тона *blacketnoir* очень подходят к режиссерскому замыслу. В этом акте есть пена оффенбаховского гротеска. Он изящен и остроумен, намеки на современность смешны и ярко оттеняются в античной рамке. В этом акте много интересного в исполнении. Ярko сверкает блестящий талант Монахова, дающего превосходную фигуру Калхаса».

Второй и третий акты рецензент не воспринял – по его мнению, Марджанов во что бы то ни стало захотел быть оригинальным – «рассудку вопреки, наперекор стихиям». Осовременивание, перенос событий в другие эпохи, на его взгляд, противоречат сути Оффенбаха. «Его музыка предполагает античное воплощение, его сатира жалит больно именно из античного мира. Как только расставлены точки над *i*, ее соль значительно ослабляется».

По мнению же режиссера, театроведа, педагога Георгия Крыжицкого, подводющего итоги спустя время, «ни буржуазная публика, ни пресса не оценили по достоинству талантливый эксперимент Марджанова, положивший начало пересмотру старой опереточной классики. Своей постановкой «Елены Прекрасной» он разом опрокинул старые опереточные шаблоны, каноны и штампы, открыв совершенно новую страницу в истории русского опереточного театра. Его «Елена» навсегда останется образцом самого смелого дерзания в этой консервативной области».

Почему закрылся Свободный театр? Причиной обычно называют финансовые проблемы и конфликт Марджанова со спонсором В.П. Суходольским. Хотя, как утверждает Георгий Крыжицкий, многое объясняется обстоятельствами более глубокими: репертуар театра оказался совершенно оторванным от актуальных тем современности. К тому же «театр не стал, по существу, синтетическим в полном смысле слова, а представлял собой скорее некий... театральный комбинат, неорганическое совмещение под одной крышей разных трупп – оперной, драматической и т.д. К слову сказать, артистический состав не представлялся блестящим ни в вокальном, ни в сценическом от-

ношении».

В интересном научном исследовании «Свободный театр» Котэ Марджанишвили» Владимир Левиновский анализирует причины неудачи великого грузинского режиссера, сотворившего уникальный театр эпохи Серебряного века и ставшего жертвой обстоятельств, в которых, кроме его идеализма и практических просчетов, имела место обыкновенная театральная интрига, нити которой протянулись от Москвы до Парижа. Автор проводит тщательное, почти детективное расследование произошедшего и ставит под сомнение версию о «бездушии» и «жадности» антрепренера В.П. Суходольского, якобы погубившего блестящую идею К. Марджанишвили.

Левиновский пишет: «Наивного и романтического Марджанишвили предали талантливые люди – творцы, так много сделавшие для русского и мирового искусства».

Отдельная тема – фигура выдающегося режиссера Александра Таирова. Как утверждает Левиновский, им была заявлена другая, отличная от марджановской творческая позиция (что в конечном итоге привело к окончательному размежеванию и созданию на обломках Свободного театра таировского Камерного театра). Потому что в новом театре господствовали эстетические принципы художественников. В то время как спектакли Таирова, выпущенные в Свободном театре, – пантомима «Покрывало Пьеретты» А. Шницлера и «Желтая кофта» Хазелнета и Фюста – это чисто эстетские, формалистские постановки, не близкие Марджанишвили. Противоположной точки зрения придерживается Г. Крыжицкий, утверждавший, что «оба эти спектакля только формально числились за А.Я. Таировым, но осуществлены были при ближайшем, непосредственном участии самого руководителя театра. Это характерно для Марджанова: давая идею, иногда даже общий замысел будущей постановки, и крепко вмешиваясь в репетиционную работу, он никогда не выпячивал своего участия в спектакле, ставя на афише фамилию молодого по

В «Желтой кофте» было столько марджановского, что он затем дважды повторил спектакль, уже подписав афишу только своим именем – в Ростове-на-Дону и на грузинской сцене в Тбилиси».

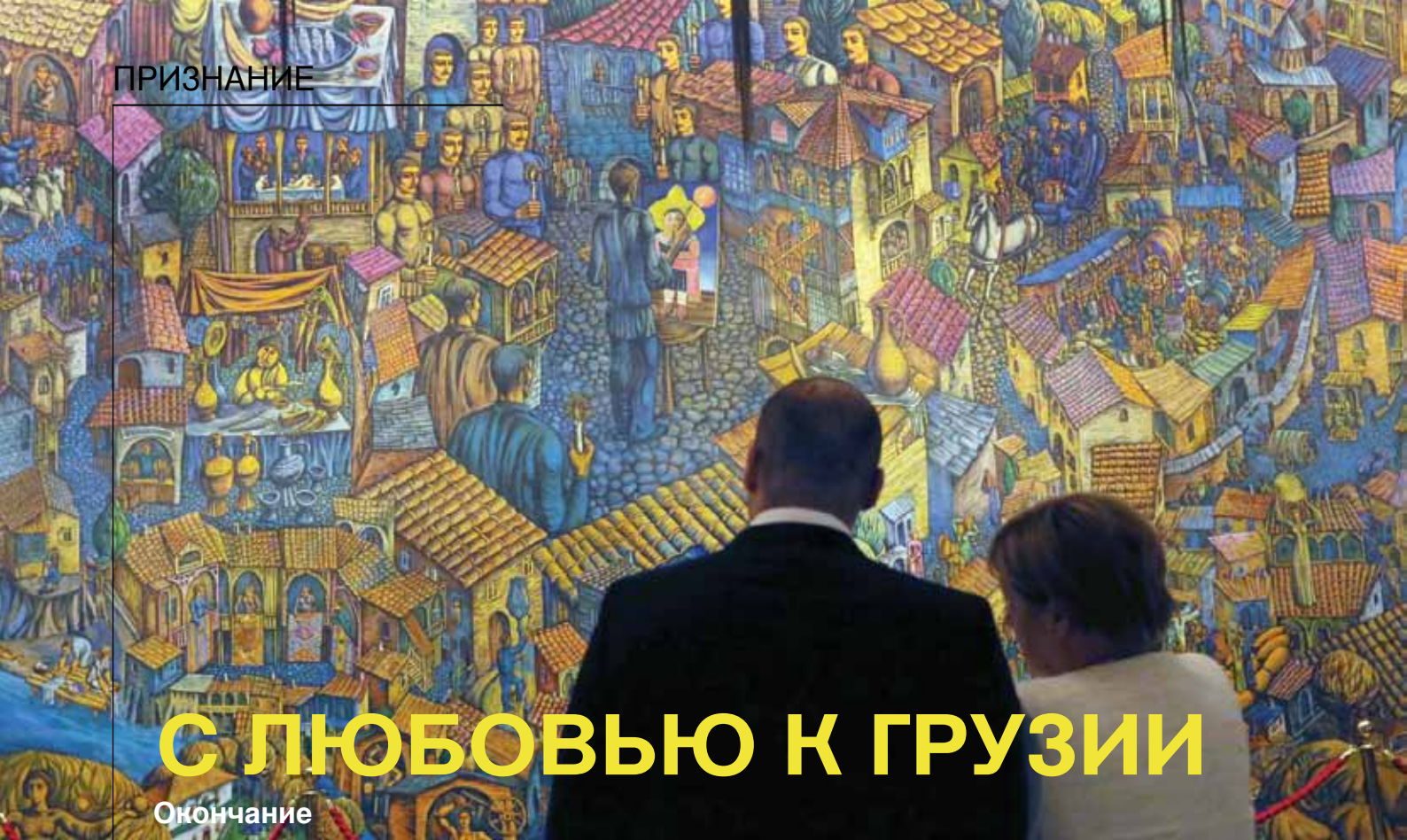
Такого же мнения Э. Гугушвили. Хотя на афише этих двух спектаклей и стояла фамилия Таирова, это вовсе не означает, что «Марджанишвили не был к ним причастен. В творчестве в контакте с руководителем театра родилось единство их взглядов, общность художественных концепций, а отсюда и единство постановочного замысла».

Таким образом, об однозначном господстве эстетики МХТ в Свободном театре и «натуралистических» предпочтениях Марджанишвили говорить все-таки не приходится. Если бы это было так, то Марджанишвили не ушел бы из Художественного театра, чтобы создавать нечто принципиально новое. На самом деле Константина Александровича с его широкой, всеохватной натурой ограничивали рамки одной, отдельно взятой эстетики. Опять вспомним слова М. Любомудрова, утверждавшего, что на самом деле бытовой театр не был близок Котэ Марджанишвили.

Спустя годы, театроведы едины во мнении: Свободный театр был незаурядным, уникальным явлением эпохи исканий – эпохи Театра Серебряного века. Да и современники, порой столь жесткие в оценке проекта Марджанишвили, после развала театра, словно спохватившись, назовут его выдающимся феноменом, новым словом в искусстве. «Для нас совершенно бесспорно, что Свободный театр был одним из крупных явлений в истории русской дореволюционной сцены», – пишет Г. Крыжицкий.

Думается, Котэ Марджанишвили во всем, к чему прикасалась его волшебная палочка художника, опережал свое время, и потому порой оставался непонятым или казался слишком дерзким в своих поисках и экспериментах. Читая описание его «Елены», будто видишь сегодняшний театр с его смелым новаторством и неожиданными творческими трактовками.

С ЛЮБОВЬЮ К ГРУЗИИ

Окончание

Эмзар КВИТАИШВИЛИ
Перевод АсмаТ ДЖАГМАИДЗЕ

Многие грузинские семьи радужно принимали у себя Беллу Ахмадулину и ее мужа, выдающегося художника, сценографа Бориса Мессерера.

Первым делом следует назвать признанного классика, знаменитого на весь мир автора романа «Дата Туташхия», неутомимого борца с советским режимом Чабуа Амирэджоби, отсидевшего в ГУЛАГе 18 лет. Чабуа и его супруга Тамар Джавахишвили, прекрасный лирик и переводчик, всегда с радостью встречали желанных гостей и часто сопровождали их в поездках по Грузии.

Близкими друзьями Беллы были замечательные поэты поколения шестидесятых братья Тамаз и Отар Чиладзе. Белла посвятила им полное любви и тепла стихотворение «Тифлис», которое венчает впечатляющая и очень волнующая строфа, выражающая безграничную верность любимому городу, и это уже выходит за рамки личного посвящения и перемещается в иные плоскости и измерения: «А когда остановит дыхание и речь /та, последняя в жизни превратность, /я успею подумать: по-

Белла Ахмадулина

зволь умереть /за тебя, мой Тифлис, моя радость!»

Из всех друзей более других с Беллой была близка дочь кинозвезды, признанной красавицы Тамары Цицишвили Манана Гедеванишвили, столь же красивая и добрая сердцем, как и ее мама. Вместе с мужем, весьма сведущим в литературе одаренным физиком Юрием Чачхиани, Манана создавала Белле и Бо-

рису все условия для того, чтобы они чувствовали себя в Грузии, как дома.

Особое внимание к Белле всегда проявлял недавно покинувший нас талантливый поэт Резо Амашукели. Сама Белла с удовольствием вспоминала головокружительные пиршества у Резо, шутки, каламбуры, безобидные шалости. Однажды, например, Резо помешал ей уле-

теть из Тбилиси, чтобы она еще немного побывала с грузинскими друзьями.

Обязательно надо вспомнить художника Коку Игнатова. Воплощением его почитания творчества и личности Беллы стало созданное им огромное панно на мотивы Пиросмани, украсившее Фуникулер. На нем автор изобразил почти весь старый Тбилиси, а в нижнем углу сделал надпись: «Посвящается Белле Ахмадулиной». Что стало с тем панно?

Находясь в Тбилиси, Белла с мужем не раз навещала Ладо Гудиашвили и часто, по просьбе хозяина, читала стихи. В один из последних визитов он подарил ей свою книгу с надписью: «Гениальной поэтессе нашей современности, человеку редчайшей души, дорогой Белле Ахмадулиной в день ее рождения 10-IV-1980 года. С любовью, Ладо Гудиашвили». Самоотверженный друг великих поэтов (Галактиона Табидзе, Георгия Леонидзе, Бориса Пастернака) и сам необыкновенный поэт в живописи, Гудиашвили никогда не ошибался в распознавании талантов и подобную надпись просто так бы не сделал.

Беллу и Бориса связывали близкие отношения с кинорежиссером мирового масштаба, неумолимым коллекционером, непревзойденным мастером коллажа и художником особого дарования Серго Параджановым. Приезжая в Тбилиси, они чаще всего посещали дом №7 по улице Коте Абхази, чтобы пообщаться с мастером. Параджанов почитал Ахмадулину, гордился дружбой и при случае, гуляя с ней по городу или заглядывая в маленькие духаны (он не любил больших ресторанов), всегда представлял Беллу публике. В долгу не оставалась и Белла. Когда 3 января 1988 года Параджанова в очередной раз арестовали, она сделала все возможное, чтобы выволить его из тюрьмы.

В июле 1990 года Белла Ахмадулина остро переживала смерть друга. Свое прощальное письмо она начинает строками любимого Пушкина «Прощай, свободная стихия!» и с горечью пишет: «Он не уместается в предложенные нам обстоя-

тельства, он вольный художник, этой волей он заполняет пространство и там теснит притеснителей, не знающих, что это они – обитатели той темницы, где нет света, добра, красоты... Параджанов не только сотворил свое собственное кино, не похожее на другое кино и ни на что другое, он сам был кинематограф в непостижимом идеале, или лучше сказать: театр в высочайшей степени благородства влияющий даже на непонятливых зрителей».

Нетрудно догадаться, что в Тбилиси Белла Ахмадулина прежде всего стремилась повидаться с Гией Маргвелашвили

и Александром (Шурой) Цыбулевским. Именно они встречали ее в аэропорту, а потом все вместе гуляли дни напролет или вели беседы в уютных духанах. Посвященное им стихотворение без названия («Я знаю, все будет: архивы, таблицы...») – одно из самых эмоциональных произведений Беллы. В нем она провидит будущее, когда ни ее, ни любимых друзей не будет на этом свете. В финальной строфе волнение достигает своего пика – Белла вспоминает, как была счастлива с друзьями, заранее благодарит тех, кто вспомнит о ней в будущем, не преминув упомянуть, что этих двух друзей

Гия Маргвелашвили, Резо Амашукели, Белла Ахмадулина

Манана Гедеваншвили

не заменит никто: *«Счастливица, знаю, что люди другие /в другие помянут меня времена. /Спасибо! – Да тщетно: как Шура и Гия, /никто никогда не полюбит меня».*

Сколько раз мы убеждались, как близко к сердцу принимала Белла наши радости и трагедии. Весной и летом 1986 года ушли друг за другом в мир иной Симон Чиковани и Георгий Леонидзе. Для Грузии их уход стал безмерным горем. И оно не могло не потрясти Беллу Ахмадулину до самой глубины души. Спустя год она приехала в Тбилиси, и он показался ей плачевно изменившимся. Любимый Метехский мост более не манил к себе, он словно стал другим. Одно только и утешало ее печальный взор – силуэт ненаглядно красивого, седовласого Ладо Гудиашвили, и его царственный проход в зале с высокими потолками...

Белла Ахмадулина переводила с многих языков. С оригиналами она обращалась чересчур вольно, не очень заботясь о точности перевода. Главным для нее было передать дух, настрой стихотворения и перевести его так, чтобы на русском языке оно звучало естественно. В статье «Стихотворение, подлежащее переводу» Белла уверенно и возвышенно пишет: *«... я думаю, что перевод – это проявление огромного доверия двух поэтов, где один из них приобщает другого к своей сокровенной тайне, И тому, другому, нужно иметь много деликатности, пронца-*

Тамара Цицишвили

тельности и фантазии, чтобы по контурам подстрочника восстановить действительный облик стихотворения, подобно тому, как ученый восстанавливает по черепу черты прекрасного древнего лица».

Излишне говорить, что к переводам грузинских поэтов Белла Ахмадулина относилась с особым вниманием. Я не буду подробно разбирать ее очень интересные опыты, здесь этому не место. Скажу лишь, что, несмотря на некоторую отдаленность от оригинала, переводам Ахмадулиной присущи столь необходимые поэзии интим и очарование. Примером может служить ранний шедевр Галактиона «Тебе тринадцать лет». Выделю из перевода две строки, не уступающие оригиналу ни в аллегоричности, ни в экспрессивности: *«Тринадцать пуль отлей мне, оружейник, /И столько ж раз я погублю себя».*

Небольшое стихотворение Анны Каландадзе «Я – совсем маленькая веточка» – жемчужина ее лирики. И даже одна строфа перевода Беллы убеждает в том, что он великолепен, и ни один нюанс оригинала в нем не утрачен: *«Садовник, заслони меня от ветра: /мои он разоряет лепестки. /Что сделаю я – маленькая ветка? /Ведь у меня ни слова, ни руки».*

Белла и сама была такой –

воздушной, чистой, открытой всему миру, всегда готовой придти на помощь, денно и нощно творящей добро. Ее неустанное стремление к свету ясно отражено в дневниковой записи от 9 июля 1979 года: *«Весь день – радость, что душа жива, свежа, чиста, отверста чудному, сильному влиянию».*

По поводу переводов Беллы Ахмадулиной Андрей Битов как-то сказал: *«Она переводила с любви, а не с подстрочника».*

Борис Мессерер посвятил Белле 800-страничную иллюстрированную книгу воспоминаний «Промельк Беллы. Романтическая хроника», в которой с теплом и любовью воссоздал эпизоды их долгой совместной жизни, описал круг друзей, встречи и отношения с людьми самых разных характеров и профессий.

Каждого из них Борис Мессерер характеризует детально, создавая живые портреты современников, знакомит нас с новыми, неизвестными фактами. Материал столь обширен, что на этих страницах невозможно не только его рассмотреть, но даже перечислить главы.

Как известно, Белла Ахмадулина посвятила стихотворения многим любимым поэтам – Пушкину, Блоку, Пастернаку, Ахматовой... Но больше всех – Марины Цветаевой. В поэзии Беллы

значительное место занимает не только личность и творчество, но и родной город Цветаевой Таруса, о чем подробно повествует Борис Мессерер. Супруги были связаны с Тарусой по жизни – у них там был домик, где они проводили лето.

В отдельной главе Мессерер рассказывает, как много сил он положил на установление памятника Цветаевой. Это удалось сделать лишь в 2006 году. Еще более волнующей является та часть мемуаров, в которой описаны трудности, с которыми он столкнулся при установлении памятника Белле, там же, в Тарусе. Сотворение скульптуры Мессерер не доверил никому, сам создал образ обожаемой жены. «Внутренним взором я представлял себе Беллу, читающую свои стихи перед огромной аудиторией, – пишет он, – стоящую навтыяжку, заложив руки за спину, стройную как свеча (она стояла обычно на высоких каблуках, читая по два, иногда по три часа)».

Я был знаком со многими скульпторами и знаю, какой это тяжелый труд – создать гипсовую модель, перевести ее в большой размер, отлить в бронзе... Борису Мессереру в этом деле, наряду с друзьями, помог друг семьи, наш соотечественник, знаменитый своей творческой и благотворительной деятельностью, Зураб Церетели. Самым драматичным в этой истории стало то, что автор допустил просчет в размерах – фигура должна была быть на 10-12 сантиметров выше. Мессерер заметил это в скульптурных мастерских в Санкт-Петербурге, когда памятник был уже готов. Пришлось все делать заново. Борис не сломился, не испугался никаких расходов и с невероятным упорством все-таки добился желаемого – на берегу Оки, на тихом лоне природы, на небольшом пьедестале (на фотографии видно, как его огибают река) установлен бронзовый памятник великой поэтессе, той, что столь много значила в его жизни.

Скажу откровенно, я редко испытывал такие чувства, какие испытал при чтении мемуаров Мессерера. Этой книгой он воздвиг своей жене памятник,

ничем не уступающий тому, который возвышается в Тарусе и глядит на бесконечное течение Оки...

Вместе с мужем Белла много путешествовала по самым труднодоступным горным уголкам Грузии. В Сванети они провели месяц. Остановились в Местии – она более удобна для проживания. Хозяева показывали им много редких древностей. Фрески местной церкви привели Беллу и Бориса в восторг. Мессерер, объездивший весь мир, был пленен грозными башнями Ушгули, которых не одолели даже землетрясения. «Башни Ушгули, выстроившиеся у подножия Ушбы, – пишет он, – издалика выглядели продолжением горы, и вместе смотрелись каменным монолитом. Никогда в жизни я не испытывал более сильного впечатления от искусства архитектуры».

Однажды Чабуа Амирэджиби пригласил супругов в Хевсурети на религиозный праздник. Повез их на своей машине, по опасным и труднопроходимым в то время дорогам. Приехали в Шатили – центр Хевсурети. Шатили понравился Мессереру

не меньше Ушгули. То, что тесно расположенные жилища издалика похожи на муравейник, художник уловил наметанным глазом сразу: «Шатили – одно из чудес света. Единый укрепленный комплекс состоит из укрепленных строений и шестидесяти оборонительных башен. Множество домиков лепятся друг к другу таким образом, что крыши нижнего ряда становятся террасами следующего. Все эти дома, сложенные из натурального сланца, располагаются полукругом, ряд за рядом убывая вверх. Гигантская пирамида из домов, причем каждый – своего размера и вида. Так вполне возможно выглядела Вавилонская башня».

Один приятель мне рассказывал, что Белла и потом бывала в Хевсурети. На этот раз художник Тенгиз Мирзашвили и востоковед, поэт, фольклорист Вахушти Котетишвили повезли ее в село Хахмати. С ними был поэт, переводчик и своего рода полиглот Зезва Медулашвили, который мастерски выдавал остроумные каламбуры, шайри, на ходу сочинял частушки. Зимой в Хахмати почти никто не живет, но летом

С. Параджанов, К. Любимов с сыном Петей, Ю. Любимов, Б. Ахмадулина, Б. Мессерер. Фото В. Плотникова, 1981

Памятник Белле Ахмадулиной в Тарусе

жители возвращаются в село. Тогда тоже готовились к религиозному празднику, и хевсуров собралось порядочно. Зезва проявил инициативу и представил почетную гостью в свойственной ему шутиливой манере: «Дорогие хахматинцы, сегодня на встречу с вами мы привезли большого любителя Грузии, знаменитого на весь мир русского поэта Беллу Хакмадулину!» Все покатались со смеху. Но кто мог бы победить Беллу в игре словами? Она сразу уловила смысл сказанного и с улыбкой произнесла: «От грузин всего можно ожидать, вы настоящие... хохмы!»

Ей было не привыкать к безобидным шуткам, построенным на каламбурах, – из-за любви к Ахматовой, в России ее нередко называли, переименовав отчетливо, «Беллой Ахматовной»...

Не приходится сомневаться, что тот день в Хевсурети прошел в радости, признаниях в любви и провозглашении искренних тостов.

Всей своей жизнью, всем творчеством Белла Ахмадулина доказала – она имела все основания обратиться к своим любимым друзьям с теми же словами, с какими Пушкин обращался к своим: «Я смело чувства выражаю, /Языком сердца говорю».

Белла была вечным помощником и заступником нуждающихся и обиженных, помогала им всем, чем могла, даже если это могло быть опасным для нее самой. Мне было очень приятно (иначе и быть не могло) прочесть письмо соболезнования в связи с кончиной Беллы, присланное Борису Мессереру великим режиссером и гражданином Юрием Любимовым. В нем сказано именно о том, о чем я не раз упоминал выше, и это не простое совпадение – ведь над великим поэтом сияет негасимый нимб прожитой праведной жизни. Приведу один фрагмент из письма Ю. Любимова: «Белла была нашим верным другом, она всем сердцем и своим уникальным завораживающим словом всегда поддерживала нас, и не только нас – все гонимые, уязвимые, известные, незнакомые – все могли найти и находили у нее утешение и помощь».

Никто не посвящал столько стихов (и таких прекрасных!) своим друзьям и близким, сколько посвятила Белла Ахмадулина, и при этом никого из ее адресатов нельзя назвать обделенным талантом и совестью. Больше всего любви и почтения она выразила двум поэтам, двум великим творцам – Булату Окуджаве и

Владимиру Высоцкому. Об этом следует написать отдельно и с особым вниманием, что непременно будет сделано в будущем.

С уверенностью могу сказать, что ни у одного из одаренных поэтов не найдется столько мощных стихов, сколько их содержится в поэтических сборниках Беллы Ахмадулиной. Данное соображение можно и уточнить: мало кто из русских поэтов XX века может похвастаться таким изобилием и многообразием своих лучших стихотворений, как Белла. Она обладала наиредчайшим даром подчинять себе слово и умела, без всякого напряжения, таким образом вплести в свой текст любое, даже непозитическое или заимствованное слово, что оно не выглядело чужеродным.

Одна из моих самых любимых книг – «Избранное», томик стихов в черном переплете, который сорокалетняя Белла издала в 1988 году в Москве. В нем столько сильных стихотворений, что если начать перечислять, придется переписать целиком его оглавление. Короткое предисловие к этой книге автор заканчивает скромным признанием: «Я жила на белом свете и старалась быть лучше».

И ее старания не были напрасны: из года в год Белла оттачивала свое мастерство. Большое количество лучших стихов последних лет написаны в ее любимой Тарусе. Таруса превратилась для Беллы в своеобразное Болдино. К счастью, с Божьей помощью, ее творческое горение, в отличие от трагической судьбы Пушкина, продлилось намного дольше.

Сколько бы ни пытался, я все же не в силах до конца выразить те восхищение и благодарность, которые испытываю, читая стихотворения Беллы Ахмадулиной. Это бесконечный мир, для постижения которого, наверное, понадобится целая жизнь. Берешь в руки ее книгу, и, кажется, что попал в волшебную чашу, а там со всех сторон сверкают сокровища, и глаза у тебя разбегаются...

Русская поэзия может гордиться тем, что у нее был такой творец, как Белла Ахмадулина.

(Печатается с сокращениями)

9 июня исполнилось 350 лет со дня рождения Петра I Алексеевича, прозванного Великим (1672-1725), последнего царя всея Руси, первого Императора Всероссийского.

Одним из ближайших единомышленников Петра был грузинский царевич Александр Багратиони (Имеретинский), сын царя Кахети и Имерети Арчила II.

Александр рос при Московском царском дворе, где и подружился с будущим императором.

В марте 1697 года, 325 лет назад, Петр I выехал в Европу с «Великим посольством». Это был первый в истории зарубежный визит главы российского государства. Он продлился 1 год 5 месяцев и 16 дней. Впрочем, миссией руководили полномочные послы, а сам Петр числился одним из участников – урядником Преображенского полка Петром Михайловым. В состав посольства вошел и Александр Багратиони.

В 1700 году Петр I присвоил Александру высшее воинское звание генерал-фельдцейхмейстера (впервые в истории России) – назначил командующим артиллерийским

подразделением российской армии. Новый командующий не успел провести задуманные реформы – началась Северная война. После трагического поражения русских войск в сражении под Нарвой шведы захватили много пленных, в том числе и Александра. За его освобождение Петр I готов был заплатить столько золота, сколько весил грузинский царевич, но шведский король Карл потребовал десять тонн...

Александр провел в плену почти 10 лет... Отпущенный после Полтавской битвы без уплаты выкупа, он так и не доехал до России – обессилевший в плену скончался в дороге, в городке Питео, 20 февраля 1711 г. По приказу Петра I, тело Александра Багратиони было доставлено в Москву и погребено в Большом соборе Донского монастыря.

ТАК ГОВОРИЛ ПИРОСМАНИ

■ **Ирина ДЗУЦОВА**

Несмотря на обширную литературу, жизнь и творчество Нико Пиросмани все еще представлены недостаточно полноценно. Уникальный и самый первый документ о художнике – дневник «Тетрадь Николая Пиросманавили», начатый 25 января 1913 г. девятнадцатилетним Ильей Зданевичем. Закончен дневник был 1 февраля 1913 г. Долгие годы этот важнейший документ считался утерянным и находился вне поля зрения исследователей. Лишь в 1989 г. мне удалось обнаружить его в парижском архиве И. Зданевича. В том же году вдова Зданевича, Элен Дуар, подарила дневник Государственному музею искусств Грузии им. Ш. Амиранавили.

И. Зданевич встречался с Пиросмани одиннадцать раз и стремился занести в дневник самое важное. Школьная тетрадь в клетку содержит двадцать один лист, т.е. сорок две страницы, не считая обложки. Непосредственно дневниковые записи сделаны на восемнадцати страницах. На предпоследней обложке Зданевич записал: «О Николае. План. 1. Тифлис, 2. Николай, 3. Знакомство». Не исключено, что юный Илья Михайлович, очарованный

личностью и картинами художника, предполагал написать книгу о нем. В итоге книгу о Пиросмани И. Зданевич издал, но гораздо позже – в 1972 г., в Париже, на французском языке.

В дневнике дан список ста шести работ Пиросмани: название, имя владельца и местонахождение. Фактически это – первый сохранившийся каталог картин Пиросмани. Далее на семнадцати страницах Зданевич приводит «Вопросы, которые необходимо предложить Николаю для его биографии» из семидесяти пунктов. Причем после каждого вопроса Илья Михайлович оставил место для фиксации ответа. Эти пробелы остались незаполненными: видимо, в ходе беседы Илье Михайловичу было легче записывать мысли Пиросмани сплошным текстом, как это делается в ходе интервью.

Большинство вопросов касаются творчества, психологии, общей культуры, отношения к жизни. Без какой бы то ни было скидки на неученость Пиросмани, И. Зданевич не сомневался в способности и готовности Пиросмани отвечать на сложные вопросы, касающиеся искусства, творчества. Пиросмани ответил на многие из семидесяти вопросов восторженного юноши. Возможно, Зданевич не успел за-

дать все вопросы или не успел записать все ответы в надежде на будущие встречи и беседы. Таким образом, ответы находим в записях Зданевича, но не только. Мысли Пиросмани дошли до нас и благодаря духанщикам, художникам и горожанам, запомнившим и донесшим до потомков «голос» Пиросмани.

Какие новые грани личности и мировоззрения открывает нам эта своеобразная «беседа» с мастером? Ответы и мысли Пиросмани – удивительные. Идущие от ума и сердца, они поражают глубиной мысли и тонкостью чувств.

Вопрос №14: «Какие мотивы вдохновляют и каково отношение к сюжету?». Ответ Пиросмани: «Если мы не будем работать над низшим, как сумеем сделать высшее?» Дополнением к ответу, зафиксированному Зданевичем, служит и такая фраза Пиросмани: «Какой же я мастер, если не смогу нарисовать? И тебя, и всю твою семью нарисую, если только будет беленькая водка» (Э. Кузнецов, «Пиросмани», Санкт-Петербург, 2012, стр. 118). Кирилл Зданевич в своих мемуарах (хранятся в Рукописно-мемуарном отделе Гос. музея искусств Грузии им. Ш. Амиранавили) приводит слова Пиросмани: «Я люблю рисовать простой люд: крестьян, кинто, му-

шей, дворников, женщин, детей, зверей. Богатые не любят мои картины, ну и бог с ними, у них есть другие художники».

Прямого ответа на вопрос №22 И. Зданевича «Откуда почерпнул знание животных: львов, тигров, жирафа?» в тетради мы не найдем, но, возможно, он – в следующих словах художника: «Богатые – бедные, белое – черное. Все в жизни имеет две стороны: добро и зло. Вот белая корова – это символ нежности, спокойствия, любви, она дает молоко, мясо, шкуру. Белый цвет – это цвет любви... Черный бык – он дерется, орет, это война. Орел огромный, беспощадный, он терзает маленького зайчика. Орел – это царский орел, а зайчик – это мы с вами». И еще фразы из дневника: «Люблю писать животных – это друзья моего сердца».

Ответа на вопрос №26 «Ка-

добрый жизни. Да умножит всех вас бог». На «Натюрморте»: «Да здравствует хлебосольный человек».

Надписи – это голос Пиросмани, его обращение к персонажам, призыв художника вкушать и ценить радости жизни.

На вопрос №27 И. Зданевича об отношении в жизни вообще ответа в дневнике нет. Но Пиросмани признавался духанщику Бего Якиеву: «Жизнь коротка, как ослиный хвост», «Что мы принесли, что должны унести с собой» («Нико Пиросмани», под ред. Г. Марсагишвили, Тбилиси, 2011, на грузинском языке). Жениться художник не хотел. Любил одиночество: «Одиноким родился, одиноким должен умереть» (там же). Навестившему его художнику Ладо Гудиашвили Пиросмани признался: «В жизни бывают минуты светлые и горькие. Мне

траговка национальной традиции, но и дань духовному состоянию людей за столом, атмосфере дружбы и гармонии, царящей за грузинским столом, дань символичности праздничной трапезы после изнурительного труда. Стол с едой и вином – это своеобразный алтарь, жертвенник, освященный ритуальным словом – тостом. Пиросмани видел мир разнообразным и бесконечным.

Со слов сапожника Арчила Майсурадзе, сказанных им в беседе с грузинским писателем Георгием Леонидзе в 1922 г., мы знаем, что из поэтов Пиросмани любил Илью Чавчавадзе и Важа Пшавела. Это и есть ответ на вопрос И. Зданевича №29 «Кого из грузинских поэтов читал?». Кстати, Г. Леонидзе свидетельствует, что Пиромани был завсегдаем книжной лавки поэта Давида Ги-вишвили.

Нико Пиросмани. Пасхальный кутеж

ковы душевные настроения во время работы?» в записях И. Зданевича нет. Ответы находятся на картинах Пиросмани, а именно – в сопроводительных надписях. Например, на картине «Пасхальный кутеж»: «Слава богу, что дожили до Пасхи, Христос воскрес. Воистину воскрес». На «Семейной компании»: «Да здравствует компания. Бего (духанщик Бего Якиев – И.Д.)

больше досталось горьких» (там же). На картине «Миллионер бездетный, бедная с детьми» все персонажи несчастны, каждый на свой лад. Так художник трактует противоречивость жизни, горечь человеческой юдоли.

Застолья и кутежи на картинах Пиросмани многое поведают внимательному зрителю об отношении художника к жизни. У Пиросмани застолье – не только

И. Зданевич спрашивал у Пиросмани (вопросы №932, 33): «Каково мнение о «Барсовой коже» (т.е. о поэме Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре» – И.Д.) и «Когда и где попалась в руки «Барсовая кожа» с иллюстрациями Зичи и как с них снимал?». Ответов Пиросмани в записях И. Зданевича нет, но Пиросмани ответил на этот вопрос портретами Шота Руставели и

Шота Руставели

царицы Тамары, перед которыми художник преклонялся (по свидетельству его знакомых). Из второго вопроса становится очевидной осведомленность И. Зданевича о том, что с иллюстрацией М. Зичи Пиросмани сделал стенную роспись (не сохранившуюся до наших дней).

Ответ на вопрос №38: «Какие краски любит и предпочитает», можно найти в воспоминаниях грузинского художника и общественного деятеля Дмитрия Шеварднадзе (1885-1937): «Я люблю черный цвет, но я не люблю черную краску» («Нико Пиросмани», под ред. Г. Марсагишвили, Тбилиси, 2011, на грузинском языке). А из записей И. Зданевича становится известно, что Пиросмани пользовался красками фабричного производства высокого качества. Ладо Гудиашвили записал со слов самого Пиросмани: «Это краски, брат мой. Хочешь, покажу, как надо работать. Вы, художники с Головинского проспекта ходите в костюмах и в галстуках и боитесь перейти на этот берег Куры. Нет, так нельзя. Надо надеть старый передник, зажечь лампу, замесить ногами мел, взять синьку и выбелить стены или покрыть все черным цве-

том. Да, так нужно» (там же).

Из записей И. Зданевича узнаем ответ на вопрос №40 «О раме – какая нужна рама, и нужна ли она вообще?»: «Если стена светлая – черную раму, если темная – светлую. А то плохо видно».

Ответом на вопрос №53 «Что необходимо для работы? Какова роль знаний и их значение, и роль таланта?» можно считать следующую фразу Пиросмани, недовольного опозданием И. Зданевича на очередной сеанс позирования для портрета: «У меня талант устал, я вас ждал утром». Фраза зафиксирована в дневнике И. Зданевича. Художник прекрасно понимал смысл слова «талант» и важность душевной энергии и внутреннего настроя на творчество.

На вопрос №54 И. Зданевича «Нужна ли живопись?» ответом может послужить речь Пиросмани на собрании Грузинского художественного общества 25 мая 1916 г.: «Вот что нам нужно, братья. Посередине города, чтобы всем было близко, нам нужно построить большой деревянный дом, где мы бы могли собираться. Купим большой стол, большой самовар, будем пить чай, много пить, говорить о живописи и об искусстве». Художник призывал жить творчеством, отстраняясь от будничной суеты и забот. Кстати, помощь от общества в размере десяти рублей он принял с обещанием: «Я куплю на них краски, напишу одну картину и преподнесу ее вам» (И. Дзуцова, «Пиросмани. Пиросмани...»,

Царица Тамар

Тбилиси, 2013). Через несколько дней он принес «Свадьбу в Грузии былых времен».

Вопрос №56: «Есть ли разница меж «маляром» и «художником»? Ответ из дневника И. Зданевича: «Иконописец, живописец, маляр, художник – все разное. Иконописцем не был... Живописцы – это буквописцы и рисовать совсем не умеют». Так Пиросмани определял свое место в искусстве. Он писал вывески с надписями (дань воле заказчика), но они – те же картины на разные сюжеты.

На вопрос №65 «На что надеется, для чего живет, какие цели?» Пиросмани ответил в ином контексте, а именно – на заседании Грузинского Художественного Общества 25 мая 1916 г.: «Как до сих пор пахал и сеял, так и дальше буду». Каждое утро он входил в тот или иной духан и спрашивал хозяина: «Что тебе нарисовать?» (Э. Кузнецов, «Пиросмани», Санкт-Петербург, 2012, стр. 109). Целью его жизни было рисовать.

К вопросу №68 «Отношение к своей известности и своим картинам? Какая судьба для них наиболее желательна?» И. Зданевич добавляет: «Далее я сказал, что о нем писали в газетах и хотят выставить на выставке. Сначала он сделал недоуменную физиономию, потом обрадовался». И далее: «Николай отвел меня в сторону и спросил: «Когда выставка? Если бы мне дали комнату, где можно работать, и полотно, я бы вам за месяц написал десять-пятнадцать картин, и они были бы лучше, чем те, которые у меня есть». Как видим, художник не был равнодушен к своей известности, и перспектива представить свое искусство на всеобщее обозрение явно его окрылила. Кроме того, как мы знаем, Пиросмани подписывал свои картины (на русском и грузинском языках). Зачастую подпись дана в сокращенном варианте или прописаны лишь инициалы. Отмечу одну – особую: «Ж.Н.П.», как, например, на портрете Александра Гаранова и на картине «Кутеж с шарманщиком Дати-ко Земель» (обе – 1906 г.) т.е. «Живописец Нико (или Николай) Пиросманашвили». Вот и ответ на вопрос Зданевича о разнице между маляром и художником и

об отношении Пиросмани к славе. А вот что Пиросмани сказал журналисту С. Церетели в редакции журнала «Тэатри да цховреба» (весна или лето 1916 г.): «Ну какой я художник, да еще известный... Ты меня конфузишь...» («Нико Пиросмани», под ред. Г. Марсагишвили, Тбилиси, 2011, на грузинском языке).

В то же время известно, что художник носил с собой и показывал другим иллюстрированное приложение к газете «Сахалхо Пурцели» №108 с его фотографией (снятой в фотоателье Клара) и репродукцией картины «Свадьба в Грузии былых времен». Как понятна острая реакция Пиросмани на карикатуру на него, опубликованную в той же газете 10 июля 1916 г. Пиросмани был потрясен и несколько раз приходил к художнику Гуго Зазиашвили (приведшему Пиросмани на заседание Грузинского Художественного Общества), чтобы выразить тому свое возмущение (Э. Кузнецов, «Пиросмани», Санкт-Петербург, 2012). Не застав его дома в очередной раз, художник просил передать ему следующее: «Не надо похвал, ничего не надо. В газете меня обругали. Столько мне наобещали, а я как раньше пахал и сеял, так и теперь. Не было надо мной господина и не хочу». Эта злосчастная карикатура была большим ударом для Пиросмани, поведение его стало странным, хотя он продолжал писать картины и... пить.

А на вопрос И. Зданевича №69 «Мнение о выставках» Пиросмани дал ответ, обращаясь к навестившим его художникам Ладо Гудиашвили и Мосе Тоидзе: «Мосе Тоидзе! Я давно хотел с вами познакомиться. Знаешь, что я хочу сказать? Пришло время, чтобы нас увидели и узнали. Хорошо бы на Головинском проспекте устроить развернутую выставку, чтобы вся Грузия смотрела».

Работая на духанчиков, Пиросмани прекрасно понимал их культурный уровень и так сказал об этом И. Зданевичу: «Эти делают вид, что что-то понимают, на самом деле – ничего». Угнетало ли его это, как ему казалось, «непонимание» со стороны основных заказчиков? Не думаю: главным для художника было рисовать. Понимая невежествен-

Илья Зданевич

ность и прижимистость тифлиских духанчиков, Пиросмани проявлял гордость и щепетильность: «За деньги не рисую», – слышим мы голос Пиросмани со страниц дневника И. Зданевича.

И. Зданевич задавал вопросы, веря в интуицию Пиросмани, жаждающая проникнуться его жизненным и творческим опытом. Пиросмани обходил стороной ненужное ему, не разменивался на мелочи, оберегал свою систему ценностей, свою систему координат, в центре которой – творчество, смысл его жизни, способ бытия. Пиросмани не желал прожить жизнь дурно и был сосредоточен на живописи, которая – диалог, долгий и важный, вне суеты. В итоге, конечно, ответы на все наши вопросы – в картинах-вселенных Пиросмани.

Прошел век, и пожелтевшие страницы «Тетради Николая Пиросманашвили» И. Зданевича наполняют нас чувством благодарности настойчивому, восторженному и не по годам проникательному юноше, понявшему, как важно поведать о Пиросмани, узнать его поближе. Причем сделал это Зданевич, сохранив лексику и особенности произношения Пиросмани, как бы сохраняя для нас его живой голос.

ПУТЬ ИДАЛЬГО

■ **Нина ШАДУРИ**

Давид (Дато) Маградзе – поэт, общественный деятель. Основатель и в дальнейшем президент грузинского ПЕН-клуба. В 1992-1995 гг. – министр культуры Грузии (ушел по собственному желанию), в 1999-2004 гг. – член парламента Грузии (сам оставил мандат). В 2011 г. был принят Нобелевским комитетом Швеции как номинант на соискание Нобелевской премии в области литературы. Автор текста государственного гимна Грузии. Кавалер ордена Чести. Лауреат Государственной премии Грузии, премии имени Джакомо Леопарди, международной премии имени Сальваторе Квазимодо. Награжден золотой медалью Данте Алигьери в Риме.

28 июня 2022 года поэту исполняется 60 лет.

– Мы не можем отстраниться от того, что творится вокруг. И поневоле рождается вопрос – в чем назначение искусства, если оно все равно ни от чего не оберегает, и все предостережения оказываются напрасными?

– Отчего же напрасными... Борьба добра и зла – не одноразовый акт. И хотя, как давно сказано, «зло сразив, добро пребудет в этом мире беспредельно», это вечная борьба. Она продлится до тех пор, пока существует Вселенная, пока есть человек. А искусство предлагает человеку выбор и помогает ему в этом выборе: с тем, чтобы он выбрал добро.

– А как определить, на чьей стороне добро?

– Очень хороший вопрос... Войны в истории человечества

были всегда. Вроде бы мир стал более цивилизованным, но, оказывается, все равно посредине Европы может разразиться война. Мы – очевидцы и свидетели этого. Вокруг нас полыхает огонь. Ужасное время. Махнуть рукой на происходящее ни в коем случае нельзя. Несмотря ни на что, надо думать о спасении человека и человечества. История человечества – огромный накопленный опыт. Но сегодня человека вынуждают отказаться от этого опыта, от способности отличать плохое от хорошего, ложь от правды. Думаю, мы переживаем декаданс. Потому что наступила «Эпоха-Проект». У этого «Проекта» есть свои граждане. Существуют граждане Грузии, России, Франции, США и существуют граждане «Проекта». Гражданам «Проекта» запрещено двойное гражданство. Они должны

принадлежать только «Проекту». Поэтому так легко начинаются войны, революции, и насилие не представляет собой никакой трудности. А искусство – на стороне Господа. Настоящее искусство, разумеется. Бог создал человека. А государство создало гражданина. Миссия поэта в том, чтобы в гражданине спасти человека. Если спасти в гражданине человека, то в человеке будет спасен Господь. Какая бы жестокая реальность нас ни окружала, наш выбор должен быть всегда в пользу добра.

– На наш век выпали и войны, и революции, и голод, и холод, и безработица, и пандемия... Иногда слышатся разговоры о том, как спокойно жилось в советское время...

– На кладбище тоже очень спокойно.

– Значит, вернуться в то время не хочется?

– Конечно, нет! Какой может быть разговор! Во мне, конечно же, было чувство протеста, хотя и не диссидентское. Потому что диссидент без СССР терял свое диссидентство, которое ему, возможно, и нравилось. Но для меня советская эпоха была абсолютно неприемлемой культурно. И, к сожалению, мой протест все еще актуален.

– Как у Бродского, «мои расхождения с советской властью не политического, а эстетического свойства».

– Именно так. Те проблемы, которые сейчас наблюдаются в России, вызваны, по моему мнению, именно советской властью. Эта власть пришла и утвердилась путем гражданской войны и репрессий, уничтоживших русскую аристократию. Тот, кто спасся, уехал в эмиграцию. Погибли Гумилев, Мандельштам, Цветаева... Пастернака не расстреляли, но он ежедневно читал о себе страшные вещи... Тяжелые испытания выпали на долю Ахматовой... Все это не прошло бесследно. И потому сегодня мы получили такую картину, какую получили.

– Репрессии очень сильно коснулись и Грузии.

– Разумеется. Самым тяже-

лым годом стал 1924-й, когда погубили все грузинское дворянство. В 1937-м приступили к деятелям культуры. Конечно, это тоже оставило свой след. Потому сегодня в Грузии царит неискоренимый дух провинциализма. Это огромная проблема. Но все логично! А что же вы хотели получить, если уничтожали носителей культуры? Вот и пожинаем, как говорится, горькие плоды.

– Однако в советское время появился поэт Дато Маградзе. Как у вас возникло желание писать стихи?

– Даже не знаю... Так случилось... Я начал сочинять, когда еще не умел писать.

– Родители записывали ваши сочинения?

– Нет. Они не обращали на это особого внимания. Не ожидали, что из меня выйдет поэт. И правильно, что не обращали внимания! Когда в тебе не видят ничего особенного – это очень хорошо.

– Почему?!

– Если ребенка убеждают в том, что он необыкновенный, замечательный, прекрасный, и все члены семьи дружно им восхищаются – это страшное дело. Из таких людей получаются нарциссы. Не могу сказать, что родители в меня не верили. Просто не придавали большого значения моему увлечению поэзией.

– А вам не хотелось, чтобы вас оценили, похвалили?

– Нет, не хотелось. Это не было важным для меня... Семья наблюдала за моими опытами очень спокойно. А рос я в большой семье. Можно сказать, что меня воспитали два гимназиста – дедушка с бабушкой. Дед учился в той гимназии, где сейчас находится министерство образования. А в бабушкиной гимназии располагается нынешнее министерство иностранных дел. Министерство отобранило гимназии!

– В чем выражалось воспитание?

– Мне очень повезло – я застал поколение носителей так называемой «имперской культуры». Сдержанные были люди, знали цену выдержке. И выражение

Дато Маградзе

лиц было совсем иным. Где оно сейчас, такое выражение? Только в старых фотоальбомах. Со всем другим мир... Я благодарен Богу, что успел увидеть этих людей – подруг бабушки, друзей дедушки... Все они часто приходили к нам в гости. Смотреть на них, слушать – это тоже была школа. Например, я помню их русский язык. Такого русского сейчас не услышишь. Уж не знаю, в чем было дело – в самом языке или в произношении. А какой был необыкновенный грузинский язык! Думаю, это все-таки особая категория мышления и культуры поведения, а не уровень владения языком.

– За что вы благодарны своим родителям?

– За все, за все. Дети всегда должны быть благодарны. И не имеет значения, что именно родители смогли для тебя сделать. Те сын или дочь, которые подсчитывают, сколько им дали родители, – негодные дети. Папа с мамой подарили главное – жизнь. И отдали тебе свою энергию, свои надежды.

– Родители успели порадоваться вашим успехам?

– Да, конечно. Просто я рос в атмосфере, где было четко сформировано такое отношение: если ты пишешь, то это вовсе не значит, что перед тобой кто-то в долгу. Ты сам в долгу перед всеми. Господь дал тебе дар, ты его получил – ты и есть должник. И должен отдавать долг. Путь поэта – это путь бескорыстного служения. Путь рыцаря.

– У меня складывается впечатление, что по отношению к современной грузинской поэзии вы стоите как-то особняком. Это правильное впечатление?

– Правильное.

– А почему вы заняли обособленное место в литературном процессе? Я вижу так: есть грузинские поэты, а есть Дато Маградзе.

– Мне очень нравится, как вы видите. Хотя о литературном процессе у меня крайне неоднозначное мнение. Помню, один приятель мне как-то сказал о писателях: «Они собираются и го-

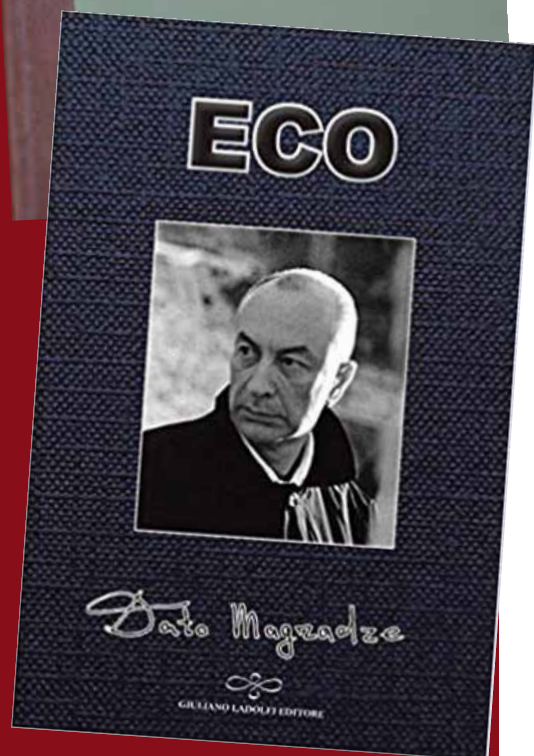
ворят о литературном процессе». А я спросил: «В котором часу начинается этот процесс? Сообщите, я приму участие». Поэт выбирает путь и идет по нему в одиночку. Помните название романа Отара Чиладзе? «Шел по дороге человек». Вот так и надо пройти свой путь – одному. И этот путь может вместить в себя весь мир... Поэтам нельзя ходить хором. Стаями могут жить волки, шимпанзе, бегемоты... Но не поэты.

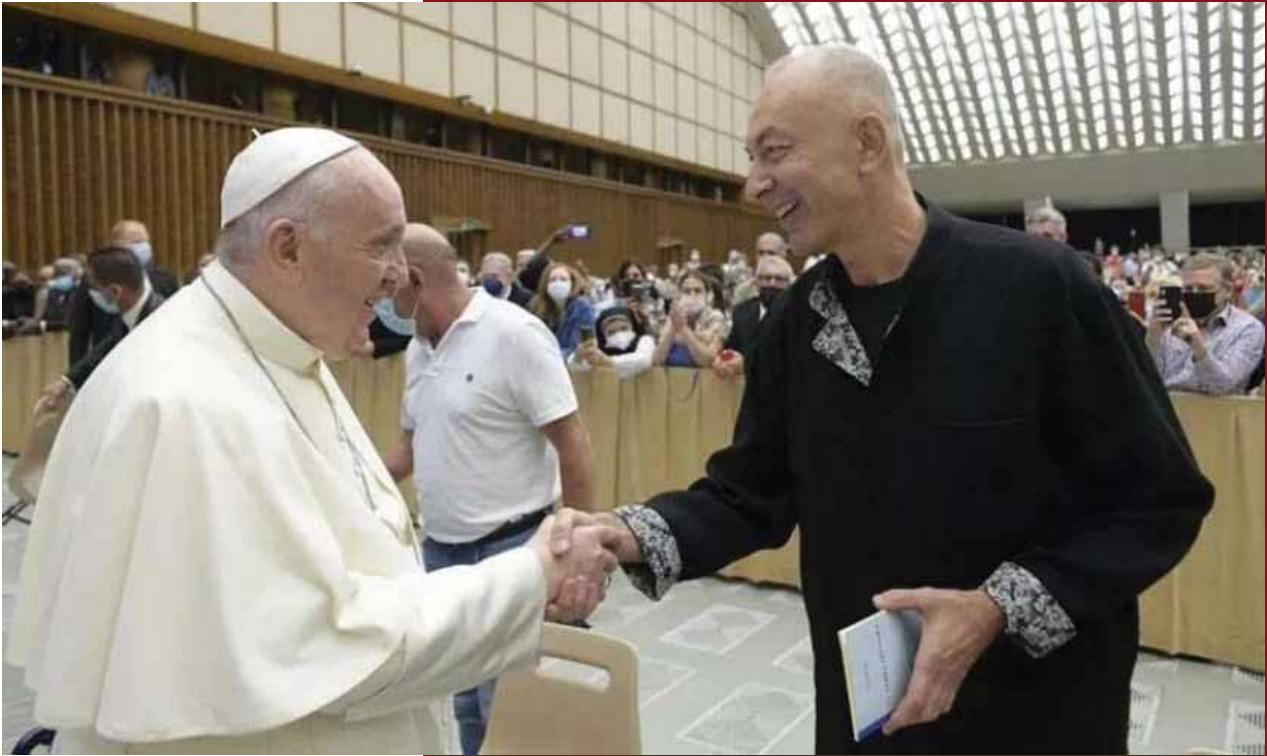
– Что вы думаете о современной поэзии? Вы читаете ее?

– Да, читаю. Иногда это интересно. Но в целом современное искусство не вызывает у меня восхищения. Декаданс. Как только в искусстве появился скульптор, который выставил на продажу пустое пространство, где якобы стоит его скульптура... (Художник из Италии Сальваторе Гарау продал невидимую скульптуру – он заявил, что скульптура существует, хотя ее и не видно: она создана из энергии, силы и мыслей. Для ее установки требуется освободить пространство 1,5 на 1,5 метра. – *Н.Ш.*) И появился покупатель! Это уже начало безумного процесса. Возникли и коллекционеры – ненаписанных картин, несочиненных стихов. Эпоха упадка. А меня влечет к себе Римская цивилизация. С ней связаны мои эстетические предпочтения. В первую очередь и большей частью – Караваджо. И Джованни Пико делла Мирандола, который написал «Речь о достоинстве человека». А поэт и есть человек чести и достоинства, идадьго, который знает, чему служит – идее, Граалю. И потому, кстати, для меня совершенно непостижима зависимость писателя от госфинансирования. Ни одна моя книга, ни один перевод, ни одна поездка никогда не были связаны с государственным бюджетом. Будет у меня возможность – поеду, нет – не поеду. Но оплачивать свой визит налогами, собранными у бедного населения? Ни за что.

– Ахматова говорила, что поэт больше всего боится, что «стихи кончатся». Цветаева писала – «когда кончатся стихи, кончусь и я»...

– У Рембо стихи кончились

С Папой Римским Франциском

в 19 лет, ну и что? Поэтами не только рождаются, но и умирают. Рембо умер как поэт. Не попрощайничал. Зарабатывал. Не просил о помощи. Помогал другим. Самая ужасная позиция: я поэт, помогите мне. Если ты поэт, то помогать должен ты. Ты должен служить, а не тебе.

– Получается, жизнь поэта довольно тяжела.

– Да, на первый взгляд. Тяжелый крест. И нести его порой тяжело... Но это приятная ноша, ведь таково твое призвание.

– Осознать свое призвание и следовать ему – это же счастье.

– Вообще в мире искусства очень мало истинных творцов и очень много самодеятельности, случайных людей, любителей... Я в данном случае не имею в виду профессионализм. Призвание – это нечто гораздо большее. Твой духовный мир, если он у тебя есть, должен найти отражение в твоём реальном мире. Для меня эти два мира являются единым целым. Счастье? Для кого-то каждый восход солнца – это счастье, новое рождение, новый день. А кому-то, чтобы почувствовать себя счастливым, нужен миллион. Дай бог счастья каждому. Но я не завидую миллионерам.

– А кому-нибудь завидуете?

– Наверное, никому. Я очень радуюсь, когда читаю прекрасные произведения. Читаю «Гамлета», «Дон Кихота», Достоевского, Бродского, Бодлера – радуюсь и восторгаюсь, но не завидую. Если умеешь восторгаться, то зависть тебе чужда.

– Согласны ли вы с тем, что художник обязан быть в оппозиции к власти?

– Скажу так: борьба с властью не является для художника обязательной. У Ладо Асатиани есть прекрасная формула: «*ბომ ლამაზია ეს საქართველო, მაგრამ მე უფრო ლამაზი მიხნდა*» – «Грузия прекрасна, но мне хочется еще прекраснее». В этом «еще» – искра развития. Существующая власть не должна вызывать восторгов, и творец не должен ее поддерживать безусловно. Во все времена находились такие деятели, в которых власть была твердо уверена и знала наверняка – что бы она ни сделала, они ее поддержат. Но дарить власти свою свободу нельзя.

– А что такое свобода?

– Пришли такие времена, когда человека освобождают от свободы во имя свободы. Это тренд эпохи. Тенденция крайне опасная. Пико делла Мирандола пишет так: «Бог, поставив че-

ловека в центре мира, сказал: «Не даем мы тебе, о Адам, ни своего места, ни определенного образа, ни особой обязанности, чтобы и место, и лицо, и обязанность ты имел по собственному желанию, согласно своей воле и своему решению. Ты, не стесненный никакими пределами, определишь свой образ по своему решению, во власть которого я тебя предоставляю. Я ставлю тебя в центре мира, чтобы отсюда тебе было удобнее обозревать все, что есть в мире. Я не сделал тебя ни небесным, ни земным, ни смертным, ни бессмертным, чтобы ты сам сформировал себя в образе, который предпочтешь. Ты можешь переродиться в низшие, неразумные существа, но можешь переродиться по велению своей души и в высшие, божественные». Вот это и есть свобода – свобода выбирать. Она не означает вседозволенности. Необходимо сдерживать себя, иначе человек скатится к первобытным инстинктам и станет скотом – достойным гражданином «Проекта».

– Почему вы согласились возглавить министерство культуры?

– К тому времени я только только стал главным редактором журнала «Цискари». Успел подписать в печать шесть номеров. И

тут ко мне пришел Эльдар Шенгелая и предложил – тебе надо познакомиться с Шеварднадзе, он хочет назначить на пост министра молодого человека, потому что все возрастные кандидаты заблокировали друг друга. Новое поприще показалось мне интересным. Я написал концепцию, которую с воодушевлением принял Шеварднадзе. Но реализовать так и не смог. Помешали сам Шеварднадзе и те деятели культуры, которые входили в его окружение. Я сказал ему: «Вы сейчас работаете и министром культуры тоже. Вы сами решаете, кого надо финансировать, кого нет. К вам заходит с просьбой какой-нибудь скульптор или режиссер, и вы накладываете резолюцию – «удовлетворить». Но эта сумма уходит из бюджета министерства культуры, который должен распределять я. А распределяете вы. Тогда зачем я вам?» Шеварднадзе таким образом подчинял себе людей. Они потом оказывали ему поддержку. В любом вопросе. И я подал в отставку.

– Обидно... Дал ли вам что-

нибудь этот опыт?

– Конечно. Я многое узнал о взаимоотношениях людей, о тончайших, невидимых нюансах в поведении... Это было очень любопытно. И во многом мне помогло в дальнейшем.

– А если бы вам снова предложили государственный пост?

– Предлагали. И не раз. Я отказывался. У меня уже нет никакого интереса к подобной деятельности. Я веду гораздо более интересную жизнь.

– Какую?

– Мир неисчерпаем. Каждый день перед нами открываются новые пространства и явления. Неожиданно для себя я открыл «Пьету Ронданини» Микеланджело. Я даже не знал, что она находится в Милане, в Кастелло Сфорцеско. Я просто осматривал замок и вдруг очутился в зале, где стоит «Пьета». Она произвела на меня сокрушительное впечатление. Неспоставимое с тем, которое производит «Пьета» в Соборе святого Петра в Риме. Разумеется, римская «Пьета» –

шедевр, но эта, миланская, стала для меня чем-то определяющим, сакральным. Я вдруг осознал, что в «Пьета Ронданини» заключено все, что было до Микеланджело, и, в то же время, все, что было после него. Классицизм, модернизм, постмодернизм... Все, что угодно, – все в ней, в этой «Пьете». Я увидел нечто вечное, нечто вне времени... Короче говоря, историку сложно ее описать. Это должен сделать поэт.

– Наверное, ваше неожиданное «открытие» «Пьеты» не было случайным?

– Я верю – все, что происходит в моей жизни, неслучайно... Когда я впервые прочитал «Речь о достоинстве человека», то еще не был знаком с биографией автора. Мне казалось, ему надо было бы прожить лет триста, чтобы так глубоко осмыслить мир. Оказалось, он умер совсем молодым человеком, тридцати лет. И это тоже стало для меня открытием. Бог может вложить великий талант в юного человека – в Джованни Пико делла Мирандола, в Рембо, в Бараташвили... Вы знаете, что на «Мерани», главное стихотворение в грузинской поэзии, поначалу никто из современников не обратил внимания? Чистая случайность, что оно прославилось. Екатерина Чавчавадзе, у которой хранились рукописи Бараташвили, пригласила к себе

в гости Илью Чавчавадзе и дала прочесть «Мерани». Илья сразу понял, какого уровня эта поэзия. Он пишет в дневниках, что не спал три ночи от потрясения... А вскоре опубликовал «Мерани», а затем и сборник стихотворений Бараташвили. И Грузия открыла для себя своего великого поэта. Вообще, XIX век был веком открытий. Все было оценено по достоинству именно тогда. Например, как при Перикле осознали масштаб и значение «Илиады» и «Одиссеи», так и «Витязь» в XIX веке получил ту оценку, которой заслуживает.

– Интересно, как спустя годы оценят наше время? Есть ли такие явления, чей масштаб оценят потомки?

– Не знаю... Вообще, не эпоха создает поэта, а поэт – эпоху. Не поэт идет за временем, а время – за поэтом. Литературный календарь не всегда совпадает с обычным. Поэтому до Давида Гурамишвили в литературе продолжался XII век, где все были эпигонами Руставели. А Гурамишвили принес свой мир. XIX век не заканчивался вплоть до Галактиона, который и начал XX век. В XIX веке у Важи, Акакия и Ильи было столько эпигонов, что появилась опасность того, что общество просто утонет в эпигонском болоте. И вот приходит Галактион и начинает говорить

собственным языком. Я не имею в виду словарный запас или чисто языковую ткань. Я говорю о категории мышления. В XIX веке поэт был пастырем народа. Как у Ильи, «მე ცა მნიშვნავს და ერთ მზრდის, მიწიერი ზეციერსა...» В русском переводе: «Пусть поэт – посланец неба, Но народ растит поэта. Я веду беседу с богом, Чтоб вести отчизну к свету!» Галактион спускается с этого пьедестала. Он не пастырь, не проповедник. Он обращается не к народу, а лично к читателю. При этом, обратите внимание, XIX век сделал все для появления Галактиона: была сформирована идеология, провозглашена триада главных ценностей – «язык, отечество, вера», Общество по распространению грамотности внесло свою лепту, была создана национальная библиотека, заложена идея основания университета... Все сделано! И Галактион появился.

– XX век в грузинской литературе начался с Галактиона. А кем закончился?

– Закончился ли? Он продолжается. Поэт XXI века пока не явился.

– А вы?

– Вот этого я не знаю. Не мне судить. И вообще, я не думаю о подобных вещах, когда пишу.

– Вы пишете каждый день?

– Поэт – это образ жизни. Но написание стихов не обязательно связано с пером и бумагой. Стихи пишутся всегда, потому что они всегда во мне. Не знаю, где именно – в голове, в душе, в сердце, в какой-то специальной печи, которая находится в поэте. Самое главное – не стать эпигоном самого себя. Потому я всегда ищу что-то новое.

– Батоно Дато, как будете отмечать юбилей?

– Это просто дата, обыкновенная дата. Отмечу, наверное, в кругу друзей – где и смех от души, и слезы настоящие. Не понимаю, когда люди начинают организовывать свои юбилеи. А потом выходят на сцену и принимают восхваления. Ужас какой-то! Совсем другое дело, когда к тебе проявляют искренний интерес. Например, по инициативе Общества Александра Орбелиани под председательством Ростома Чхеидзе в Тбилисском госуниверситете состоялась международная научная сессия по моей поэме «Плодородная земля». Вот такое внимание для меня настоящего важно и ценно.

*От всего сердца поздравляем Дато Маградзе с юбилеем!
Желаем любимому поэту многих радостей и удач на его светлом пути – пути идальго!*

ИСХОД ЧЕРЕЗ БЕЗЫСХОДНОСТЬ

В издании двадцатилетней давности Александр Эбаноидзе свел под одной обложкой два своих романа – «Брак по-имеретински» и «Ныне отпускаеши...» В том же составе книга вышла на грузинском языке (издательство «Устари», 2015 г.) в переводе Ц. Чхеидзе и Н. Хундадзе. Тбилисское издательство «Интеллекти» намечает очередное переиздание книги с ярким предисловием поэта и эссеиста Владимира Ермакова, представляющим один из традиционных литературных центров России – город Орел.

■ Владимир ЕРМАКОВ

На одном из путей из варяг в греки, от Гипербореи к Эллинизму, золотым руном, наброшенным на плечи гор, лежит Грузия. Грузия грез, – щедрая как пир; Грузия горя, – горькая как похмелье; обетованный край русского романтизма; историческая родина многих русских писателей. Александр Эбаноидзе достойно продолжает великую традицию.

Александр Эбаноидзе вошел в семью русских литераторов полвека назад через «Брак по-имеретински» – роман, поражающий читателей чистотой слова и силой слога. Роман, поразивший критику... молчанием; на солнеч-

ные излучины течения времени напозла густая тень брежневского безвременья. Книга, изданная-переизданная, многожды переведенная, экранизированная и инсценированная, в сущности, не стала тем, чем должна была стать – литературным событием общественного звучания. Потому что наставший застой развел интересы общества и государства: развод по-советски. Официальной критике не нужны были новые молодые гении: хватало хлопот с уже допущенными к славе. Александр Эбаноидзе написал праздничную книгу, – что уже само по себе показалось подозрительным ревнителям трудовых будней; оттого столь яркий автор не был включен в празд-

ничный чин советского соборного иконостаса.

Но книги имеют свою судьбу. Молодое вино, не утратив аромата, с годами обрело выдержку и набрало крепость. «Брак по-имеретински» актуализировался в очередном издании – в серии «Мир современной прозы» издательского дома ХРОНИКЕР, где он был объединен с романом «Ныне отпускаеши...». Объединен не случайным образом. В один переплет попали вода и камень, лед и пламень, угрюмый вол и трепетная лань – и случилась книга!

Над первым романом нависает второй – как туча, чреватая градом. Во втором просвечивает

плывет радужным облачком над пересохшими от концептуализма литературными пажитями – это Ладо, рассказчик и герой обыкновенной горской истории опрыскивает медным купоросом зреющие виноградники... «Шелковица зашелестела под ветром, словно дрожь пробежала по ней. Зашептались акации, кусты и сливы. Зашуршали покинутые пчелами липы. Занялись виноградники, сад и дальний лес... То близящаяся ночь дохнула тайной. Тайной и страхами. Мир медленно наливался темной ночной силой».

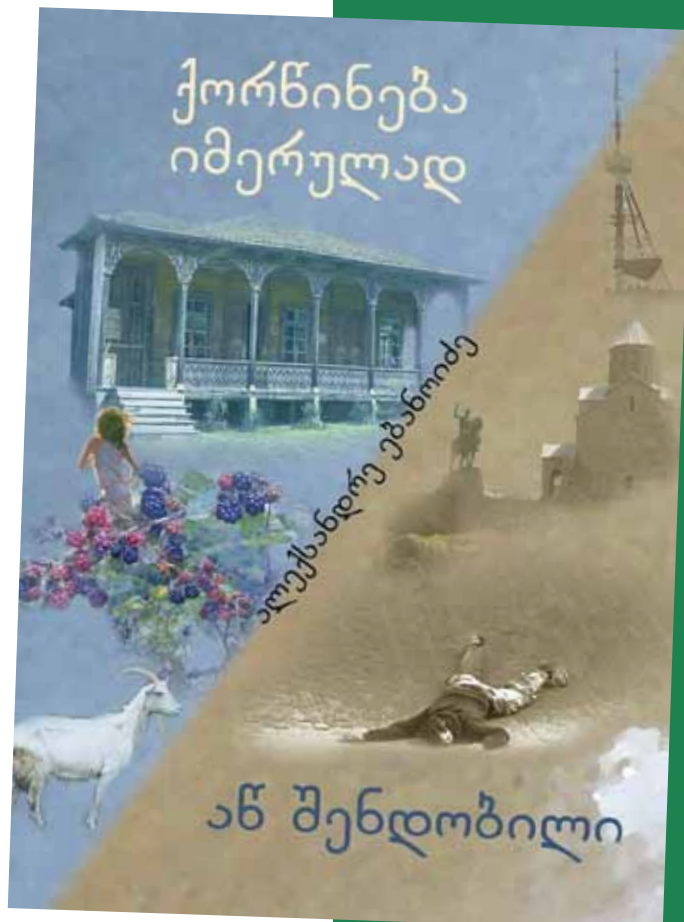
Горькая аксиома минувших веков: настоящий рай бывает только потерянным. Очарованный взгляд художника обострился в пристальный взгляд. Второй роман в книге, написанный спустя годы, центробежный. Все сложные сюжетные линии рвутся в ускоренном коловращении истории, и герои, блуждающие в поисках общего центра тяжести, разлетаются в разные стороны. Роман, означенный как триптих, не сумел (точнее: не смог) точнее определиться по жанру: ну, допустим фантасмагорический трагифарс; пусть так, пусть

– разве это что-нибудь к нему добавляет? Нет; весь роман – убавление, умаление, убывание. От первой части, своеобразного дивертисмента, где пробуют голоса частные истории, которые не будут рассказываться, потому что без остатка растворились в одной общей трагедии – и до последней, где проявившиеся в сюжете герои исчезают из действия, оставив после себя пустоту, недосказанность, – дыру, из которой тянет серым холодом, от которого сжимается сердце. Не катарсис, но коллапс; коллизия не разрешилась в тексте, но схлопнулась в контексте времени. А контекст этот жалок и ужасен, страшен и смешон...

Из распада распада автор выбирает самое для себя болезненное – развод Грузии с Россией и внутренние грузинские игры на разрыв аорты. «С кошачьей головой во рту...», – по слову, прореченному Мандельштамом. С головой мертвого льва, пожирающего оживший муляж Берии, – по кошмару, привидевшемуся Эбаноидзе. Время кошмара – наши дни (прошедшие, но далеко не пришедшие).

первый – как солнце в промоинах грозовой тучи. Эта сложноструктурированная книга не статичный сборник, но напряженная комбинация двух противоположно заряженных текстов. Первый роман несет положительный заряд; так зрелый виноград брезжит грядущим вином. Второй роман насыщен негативной энергией; так переживается похмелье в чужом пиру.

«Брак по-имеретински» – центростремительный текст: все силовые линии сходятся к фактически отсутствующему событию, придавая ему мифологический статус. Цельная и целомудренная проза завораживает до ощущения физической иллюзии присутствия – форма и фактура, цвет и свет, тишина и звук, – вот что сотворяет событие романа на практически нулевой фабуле. Бабушка Тебро и Красный Симон, пройдоха Бесо и расстрига Касьян, река и коза в равной мере участвуют в прохождении сюжета через счастливую податливость читательского воображения. Романная иллюзия

Александр Эбаноидзе

Что мы знали... о гамсахурдинщине? Можно ли так сказать? Нет, нельзя; нам – нельзя; пока своего слова о своей боли еще не сказала нация о том, что творилось вокруг грузинского парламента, когда не могли разобраться со своим? Да ни хрена не знали. Россия так и не успела понять, кто именно и что конкретно натворил в Тбилиси накануне общего кровавого бардака, позиционированного как деконструкция Империи Зла. Что я, читающий Эбаноидзе и пытающийся написать о своем чтении, – что я, бедный злыдень (в смысле – гражданин оной империи), мог рассудить в приближении геополитической катастрофы? Многим менее чем ничего. Мир, в котором выросли герои и читатели Эбаноидзе, разлетался вдребезги, и просчитать траектории разлета обломков не смог бы ни один Эйнштейн вкупе с тысячей Бжезинских.

Герой триптиха, московский журналист, отправлен редакцией в город юности, Тбилиси, чтобы разобраться в происходящем, но попадает в такие крутые разборки, что черт ногу сломит. Зловещий хоровод монархистов и анархистов, сталинистов и звиадистов, торговцев прошлым и спекулянтов будущим... голова идет кругом! Потом он пытается найти бывшую любимую – и теряет себя. В дни смятения и пожара до малюсенькой ли любви?

Линия любви в сюжете короче всех прочих; она не столько лейтмотив романа, сколько камертон. Любовная ситуация, в

которой изначально заложен некий ущерб, задает трагическое звучание всему роману. Так неотразимо печально гортанное звучание русского романса в горле грузинской певицы...

Предыдущему изданию было предпослано предисловие Льва Аннинского, где рукою мастера проставлены ударения, проясняющие сложную полифонию позднего романа и его скрытые переключки с ранним шедевром. «Ныне отпускаеши...» заглавием своим отсылает к зауспокойной молитве, порожденной разрешением Симеона Богоприимца от тяжести мертвого времени. Но есть еще одна скрытая библейская ассоциация, подтверждающая выбор заглавия. «Отпусти мой народ», – этот спиритуал в записи Луи Армстронга странно вошел в моду в начале 90-х, волнуя перенасыщенные политическим мусором волны эфира. Отпусти на свободу. Что ж... встань (встань с колен) и иди. Богоизбранный народ вышел из Египта на сорок лет скитаний в пустыне; на испытание: бремя свободы не дано вынести рабам. Свобода – сладкое слово, но трудное понятие. Путь через духовную пустыню, отделяющую традицию от цивилизации, не размечен ориентирами: каждому народу надо переходить ее самостоятельно. Каждому – свое. И что еще страшнее – в роли поводырей под маской Моисея (Лидер нации) часто прячется самозванец и себялюбец. Ложный мессия прячет свою неспособность, свою сакральную импотенцию в разду-

ваемом пожаре, изображающем огненный столп.

Проза Эбаноидзе продвигается к концу романа короткими назывными предложениями, словно голос автора задыхается дымом, стелющимся над столицей Грузии. «По улицам носит гарь с едкой примесью йода и пороха. Из окон вырываются языки пламени, красные в наступившей темноте. Слышен треск горящих перекрытий, гул огня в продуваемых насквозь помещениях. Над домами, уходящими вверх по склону горы, клубится дым. Улицы безлюдны. Только на пустынном проспекте в подворотнях и под деревьями таятся и шастают сторожки тени». Огненный столп стал над Тбилиси, – но не стал путеводителем в счастливые края – Мегрелию, Картли, Кахетию, Сванетию, Аджарию... в Имеретию.

Александр Эбаноидзе написал горькую книгу; видимо, ему придется несладко, ибо писатель не угождал в ней никому. Любая попытка позиционировать текст в политическом поле обнаружит его непредвзятость, то есть внутреннюю независимость художника от внешних препозиций гражданской войны, заведомо пристрастных. Но ведь писатель не Божий угодник; тем более не политический сводник просроченных счетов.

И все же лучшая политика – это литература, и тем она успешнее, чем художественнее. Московский грузин Эбаноидзе написал о сегодняшней Грузии – грузной, грязной, грозной... Русский писатель Эбаноидзе написал книгу о нашем времени, где Грузия – другое России, позволяющее увидеть и понять себя. Тот черный карнавал чудовищ, порожденных сном разума и расплзающихся в крови и в грязи, составная часть нашего настоящего. Дискурс Эбаноидзе о войне и мире доминирован парафразой: все несчастные страны похожи друг на друга, каждая счастливая страна счастлива по-своему. Оттого неповторимы и неподдельны явления, свободно соответствующие своей сущности: брак по-имеретински, жизнь по-грузински, проза по-русски. Счастливый брак, прекрасная жизнь, изумительная проза.

Владимир ГОЛОВИН – поэт, журналист, заместитель главного редактора журнала «Русский клуб». Член Союза писателей Грузии, лауреат премии Союза журналистов Грузии, двукратный призер VIII Всемирного поэтического фестиваля «Эмигрантская лира», один из победителей Международного конкурса «Бессмертный полк – без границ» в честь 75-летия Победы над нацизмом. С 1984 года был членом Союза журналистов СССР. Работал в Грузинформ-ТАСС, «Общей газете» Егора Яковлева, газете «Russian bazaar» (США), сотрудничал с различными изданиями Грузии, Израиля, Азербайджана, России. Пять лет был главным редактором самой многотиражной русскоязычной газеты Грузии «Головинский проспект». Автор поэтического сборника «По улице воспоминаний», книг очерков «Головинский проспект» и «Завлекают в Сололаки стертые пороги», более десятка книг в серии «Русские в Грузии», нестандартного путеводителя «Спешите в Тифлис».

Стихи и переводы напечатаны в «Антологии грузинской поэзии», «Литературной газете» (Россия), сборниках и альманахах «Иерусалимские страницы» (Израиль), «Окна», «Путь дружбы», «Крестовый перевал» и «Под небом Грузии» (Германия), «Эмигрантская лира» (Бельгия), «Плеяда Южного Кавказа», «Перекрестки», «Музыка русского слова в Тбилиси», «На холмах Грузии» (Грузия).

ВЕНОК СОНЕТОВ О ТБИЛИСИ

1.

Грустить, как о былых наградах, –
о жизни яркой и не пресной,
смешавшей в рифме полновесной
шашлычный чад с речной прохладой,

о двориках, где нет разладов,
а есть вино, любовь и песни,
где жили дружно, тесно, честно,
назло купцам и казнокрадам.

Грустить соборам и кварталам,
шарманкам, доки и мангалам –
пришельцам из тифлисской эры.

Но рано им шептать слезливо
о нашем веке торопливом,
как о конце своей карьеры.

2.

Как о конце своей карьеры,
печалились седые зданья,
о днях, в порыве созиданья
крушивших старое без меры.

Пришли другие интерьеры,
но, всем модернам в назиданье,
в по-новому блеснувших гранях
живут Майдана пионеры.

Они живут слегка картинно,
без суеты и без рутины –
там, где вода пропахла серой.

В них обретают плоть и кров
картины старых мастеров –
Тифлиса добрые химеры.

3.

Тифлиса добрые химеры,
вы – не уродцы с Нотр-Дам,
и вы, наперекор годам,
вселяете любовь и веру.

Как пьют лихие кавалеры!
Какой наив во взглядах дам!
По Ортачальским, по садам
трещат условностей барьеры.

Химеры росписей в духане
глядят с полотен Пиросмани
с надеждой, грустью и бравадой.

Им, предкам неумным нашим,
грустить под звон заздравной чаши
об этом городе – не надо.

4.
Об этом городе не надо
писать высокопарных слов,
вином всклокоченных голов
пускай исчезнет напрочь радость.

Он знал и горе, и награды,
он каждому давал свой кров,
от горгасаловых основ
сам о себе слагал баллады.

Ну, а пришельцы «открывают»
его, как встарь. И повторяют
восторга полные тирады –

о двориках и о шашлычных,
о том, как все здесь поэтичны,
и как гостям душевно рады.

5.
И как гостям душевно рады,
и как певучи в песнопеньях,
и как талантливы в твореньях,
и как изысканны в нарядах –

вот чем, десятилетия кряду,
твои гордятся поколенья,
Тифлис, в минуты откровенья
рождающий свои обряды...

Обряды встреч, вражды, прощенья,
пиров, невесты похищенья –
живут в крови. И нет им меры.

Тбилисцы, как вам много нужно!
Как верите вы в свет и дружбу
и как несете пламень веры!

6.
И как несете пламень веры
в добро и солнечные дали –
дома, чьи дети умирали
в огне, в сералях, на галерах,

чьим жителям страшной холеры
был храп коней – предвестник стали.
И чьих поэтов с детства ждали
лишенья воинской карьеры...

Но вера в то, что хлеб и храмы,
и пенье птиц, и слово «мама»
переживут всех изуверов,

что вы из пепла возродитесь,
что вы потомкам пригодитесь –
навек будет нам примером.

7.
Навеки будет нам примером
тепло светильников хрустальных,
поэтов гревшее опальных
и вольнодумцев-офицеров.

Пусть невский ветер рвал портьеры –
в беседах и в мазурке бальной
гость забывал и звон кандалный,
и тень загубленной карьеры.

Бунтарство, а не критиканство,
поддержка дерзкого дворянства –
как вам изгои были рады,

увидев в верности и страсти
пренебреженье к хмурой власти,
уменье жить не для парадов.

8.
Уменье жить не для парадов –
исконная черта Тбилиси.
Не приукрасишь для комиссий
свет очага и зелень сада.

Уйдут дворцы и колоннады,
сгорит салют в бесстрастной выси,
но будут вечно жить «Даиси»
и Гришашвили строф расклады.

И будут вечны в этом мире
карачохели и шаири,
гостей восторженные сотни,

и праздник площади огромной,
рожденный памятью бессонной
в простой тбилисской подворотне.

9.
В простой тбилисской подворотне –
преддверие в огромный мир,
где Золушка, Пьеро и Лир
живут непросто. Но вольготней

мирка бетонной преисподней
и обезличенных квартир,
где скорбь – не скорбь, и пир – не пир.
Хотя имущество – добротней.

Скрип лестниц собирает всех
одной семьей – на келех.
И боль становится бесплотней.

А уж на свадебных пирах
поймешь, что в маленьких дворах
путь к доброте бесповоротней.

10.
Путь к доброте бесповоротней,
когда тебя он приведет
в тот ветхий дом, где друг живет –
и гостя нет тебя почетней.

В тифлисский дом, где все охотней,
предвидя близкий свой уход,
старик о прошлом речь ведет.
А время злей и мимолетней,

чем на просторных площадях,
где, позабывшим риск и страх,
напоминать давно устали,

что в беге лошадей хороших
и скорости, и ветра больше,
чем на гудящей магистрали.

11.
Чем на гудящей магистрали
гонять машины круглый год,
давай, как встарь, построим плот,
и по Куре – к нездешней дали.

Сквозь все заботы и печали
река неспешно нас снесет
туда, где юный прадед пьет
не из Самтреста «Цинандали».

Где от него, вся без ума,
прабабке юной Ханума
потомство, то есть нас, пророчит,

а по брусчатым мостовым,
под песни и шашлычный дым,
дорога в прошлое – короче.

12.
Дорога в прошлое короче,
когда берет она исток
в тех именах, что ты сберег,
боясь хоть чем-то опорочить,

и в тех рассветах, где клокочет
начало завтрашних дорог,
в которых ты запомнить смог
Тифлис, увиденный воочью.

Где время тронуть не успело
названия «Арто» и «Стела»,
где под окном играют в «кочи»,

аптека Земмеля на месте,
хлеб продается в «Резинтресте»,
и теплым ветром пахнут ночи.

13.
И теплым ветром пахнут ночи,
и травами лугов далеких...
В Тбилиси снова раньше срока
гроза весенняя грохочет.

И слить в своих зарницах хочет
свет ламп из улиц нешироких
с огнями, что в домах высоких
как будто россыпь многоточий...

Соединить вчера и завтра
спешит мой город – строгий автор
баллад о счастье и печали.

В них побеждает тот, кто любит,
герои зло наотмашь рубят,
а на невзгоды там плевали.

14.
А на невзгоды там плевали,
где дух Тифлиса не исчез,
где сотни маленьких чудес
суровый быт расколдовали,

там, где бояться перестали
слов «одиночество» и «стресс»,
а в буйстве молодых повес
друг друга старики узнали.

Где тайны первых встреч хранит,
как прежде, старый Муштаид,
давно лишившийся ограды...

И где в неоновых огнях
не будут об ушедших днях
грустить, как о былых наградах.

Грустить, как о былых наградах,
как о конце своей карьеры,
Тифлиса добрые химеры,
об этом городе – не надо!

И как гостям душевно рады,
и как несете пламень веры –
навек будет нам примером
уменье жить не для парадов.

В простой тбилисской подворотне
путь к доброте – бесповоротней,
чем на гудящей магистрали,

дорога в прошлое – короче,
и теплым ветром пахнут ночи...
А на невзгоды там плевали.

Нана Дарчиашвили

ДОБРЫЙ ТАЛАНТ

«Николай Николаевич! Кефир!» – до сих пор в памяти звучит волнующий, нежный голос очаровательной Влады Юрьевны, проявляющей особое женское внимание к весьма своеобразному персонажу Юза Алешковского (да еще в блистательном исполнении Нико Гомелаури) из нашумевшего спектакля Авто Варсимашвили «Russian блюз». Хотя прошло более двадцати лет с того времени, как актриса Нана Дарчиашвили предстала в гротесковом образе соблазнительной «младшей научной сотрудницы» со стройными ногами и копной густых волос до пояса... Это была не первая встреча зрителя с Наной – прежде она выходила на сцену в роли совершенно другого плана: чеховской Вари в спектакле «Вишневый сад» в постановке Гоги Кавтарадзе. И так же убедительно проявляла себя в иной стилистике, создавая образ одинокой бесприданницы с несложившейся судьбой.

В какой бы роли Нана Дарчиашвили не появлялась – как, например, в спектакле «Кроткая» Достоевского или в гоголевской «Женитьбе», – она всегда находит интересные нюансы, детали, позволяющие даже на небольшом материале рассказать судьбу героини, показать ее выпукло, ярко. Чаще Нане достаются характерные роли – как в спектакле «Ханума» А. Цагарели, где она играла сестру князя Пантиашвили Текле, или «Английский детектив» А. Кристи – здесь актриса рисует портрет милой «молодоженки», неопытной хозяйки гостиницы, в которой совершается преступление. И в этих ролях Нана органична и обаятельна. А уж в трогательном образе старой черепахи Тортиллы («Буратино» по А. Толстому в постановке Гии Кития) с ее семящей походкой взрвалочку от нее просто глаз не оторвать...

Нельзя не сказать о прекрасных вокальных, музыкальных данных Наны. И эти свои способности она успешно использует на грибоедовской сцене – помним, как вместе с партнером актриса в комедийном ключе певчески «комментировала» происходящее на сцене в спектакле по Чехову «Жизнь прекрасна!». Это было забавно, стильно, оригинально. И сохранилось в памяти!

Нана привлекает внимание не только своими актерскими работами. Многие отмечают ее художественный вкус. А еще Нана тонко чувствующий, доброжелательный и внимательный к окружающим человек – не зря однажды режиссер Авто Варсимашвили поручил ей роль Ангела любви в спектакле «Страсти по Гольдони» или добрейшей Коровы из «Хранителей нашего очага». И, конечно, общение с Наной приятно, приносит радость! Так пусть на сцене (да и в обычной жизни!) будет как можно больше ее доброго, светлого таланта... Поздравляем с круглой датой и от всего сердца желаем радости, здоровья и новых интересных ролей!

ВЕНЕЦИАНСКАЯ БИЕННАЛЕ-2022: ХУДОЖНИКИ ГРУЗИИ В АВАНГАРДЕ

■ Анастасия ХАТИАШВИЛИ

По традиции, Венецианская биеннале, одно из самых престижных культурных событий мира, которое ведет свою историю с 1895 года, определяет основные направления развития мирового искусства. Для этого на выставке всегда задается единая тема, которую художникам нужно осмыслить и показать через собственное творчество.

В этом году такой темой стало «Молоко снов» (The Milk of Dreams). Название заимствовано из одноименной книги британской художницы-сюрреалистки Леоноры Каррингтон, написанной в 1950-х годах. По

словам куратора выставки Чечилии Алемани, «Молоко снов» — это прославление свободы духа, рассказ о волшебном мире, в котором живут фантастические существа, где жизнь постоянно переосмысливается через призму воображения, и где каждый может измениться, трансформироваться и стать кем-то другим. «Как определяется изменение человека? Из чего состоит жизнь и что отличает растения и животных, человека и нечеловека? Каковы наши обязанности по отношению к планете, другим людям и другим формам жизни? И как бы выглядела жизнь без нас?»

— такими вопросами задается Чечилия Алемани в своем кураторском манифесте.

Произведения приглашенных авторов в этом году отражают три темы: изображение тел и их метаморфозы, взаимодействие людей и технологий, а также связь между телом и землей.

И, похоже, Грузия справилась с этим вызовом не хуже других.

Уникальность грузинского национального павильона на 59-й художественной выставке, за которой с 23 апреля по 27 ноября следят художники со всего мира, состоит в том формате,

Министр культуры Грузии Тей Цулукиани на открытии грузинского павильона на Венецианской биеннале

который выбрали авторы видеоинсталляции под названием «Мне жаль сад».

Его создатели – два тбилисских художника Мариам Натрошвили и Дету Джинчарадзе. Их детище – это мультимедийный проект, повествующий об истории предчувствия Великого исхода и приглашающий зрителя в магический реализм эпохи Антропоцена через масштабную видеоинсталляцию и VR, то есть посредством виртуальной реальности. Антропоцен – неформальный термин, обозначающий эпоху с высоким уровнем человеческой активности, воздействующей на дикую природу и играющей существенную роль в экосистеме Земли.

Главный персонаж инсталляции – некогда дивный сад, а ныне обветшалое, почти прозрачное пристанище вымерших растений, исчезнувших в результате вмешательства человечества. В этом саду царствует экологический кризис, который и является главным признаком и даже лицом Конца.

«Эта захватывающая крупномасштабная видеоинсталляция и интерактивный опыт виртуальной реальности, который представляет собой нелинейное, самогенерирующее повествование о саде эпохи Антропоцена. Эта сотрясаемая земля оторвалась от объектив-

Мариам Натрошвили и Дету Джинчарадзе

Андро Эрадзе

ной реальности, ее терзают человеческие дела. Проект похож на заброшенную видеоигру, в которой нет человека. Видны только его следы, необратимые ошибки и раны на земле. Это поэтическое произведение, использующее язык технологического века нового сюрреализма, чтобы показать Конец и Начало», – говорится на официальном сайте биеннале.

Одна из наиболее впечатляющих сцен в саду – деревня Ргани в Чиатурском районе. Это дом над пропастью. Частная компания добывает здесь полезные ископаемые в открытом карьере, кругом загрязнены вода и воздух, дряхлеет земля. А жителям Ргани приходится или покинуть родные дома, которые нещадно сносят, или со-

глашаться на жизнь в невыносимых условиях, на свой страх и риск.

На официальной церемонии открытия грузинского национального павильона на венецианском острове Джудекка присутствовала министр культуры, спорта и молодежи Грузии Тей Цулукиани. Глава Минкульты отметила, что грузинские художники создали для Венецианской биеннале абсолютно уникальный проект. «Мы посетили павильоны, представленные многими другими странами, и не будем предвзатыми, если скажем, что грузинский – один из выдающихся павильонов на всей биеннале. Безусловно, этот продукт, вызывающий восторг и интерес у многих посетителей, уникален тем, что в нем используются новые технологии. Технология VR по-прежнему является новым словом в искусстве, и даже ведутся дискуссии о том, является ли она будущим искусства. Именно поэтому грузинский павильон и грузины – в авангарде», – сказала Цулукиани.

Еще одним участником Венецианской биеннале из Грузии стал режиссер и фотохудожник Андро Эрадзе со своим экспериментальным фильмом «Взращенный в пыли». Эрадзе выиграл грант первого выпуска программы Biennale Collage Arte, четырем финалистам которого дали возможность участвовать в выставке 2022 года с новым проектом.

Герои «Вращенного в пыли» – Человек, природа и их неизбежная сильная взаимосвязь. Это история, происходящая в ночном лесу, где в воздухе витают звуки праздника, почти карнавала. И все – под сопровождение практически трансцендентного саундтрека.

«Один за другим в фильме появляются чучела животных, встревоженные шумом новогоднего фейерверка. Критически относясь к человеческому карнавалу, разрушительному, ядовитому и фатальному для дикой природы, фильм Эрадзе представляет фейерверк как точку Входа в темную и мифологическую сторону леса, мир растений, животных и призраков», – рассказывает о творе-

нии грузинского участника куратор Мелани Кресс.

На создание этого фильма Андро Эрадзе вдохновили, с одной стороны, современные теории о межвидовых отношениях американского профессора Донны Харауэй, которую считают центральной фигурой в исследованиях науки и технологий, а с другой – бессмертная поэма классика грузинской литературы Важа Пшавела «Змееед», главный герой которой обладает сверхъестественным талантом понимать язык природы.

Один из мотивов фильма также основан на знаменитой загадке англо-ирландского философа Джорджа Беркли «Слышен ли звук падающего дере-

ва в лесу, если рядом никого нет?», касающейся проблем наблюдения и реальности.

Интересный факт – в этом году при национальном павильоне Грузии на Венецианской биеннале впервые заработала семимесячная арт-резиденция для грузинской творческой молодежи. По инициативе и при финансовой поддержке грузинского Минкульту там живут и создают свои собственные проекты пять художниц: Мариам Чиргадзе, Нана Гоголашвили, Екатерина Карселишвили, Элизабет Алпадзе и Мариам Шергелашвили. Девушкам подарили беспрецедентный шанс – творить здесь и сейчас, в Венеции, среди неопишуемой красоты и ее создателей со всего мира.

СЕМЕЙНЫЙ ПОРТРЕТ В ИНТЕРЬЕРЕ

Нелли СКОГОРЕВА

Вот уж кто не нуждается в представлении! Александр Лазарев-младший – любимец грузинской публики, Народный артист России, лауреат Государственной премии, артист театра Ленком.

На беседу Александр согласился легко, но, наверное, не предполагал, что ваш корреспондент переговорит со всеми членами его замечательной семьи.

Итак, династия.

АЛЕКСАНДР

– Саша, ты служишь в легендарном «Ленкоме» более тридцати лет. И я первым делом не могу не спросить, что сейчас происходит в нашем любимом театре? Увы, многие говорят о расколе, о противостоянии между директором Марком Варшавром и актрисой Александрой Захаровой...

– Театр «Ленком» – автор-

ский, уникальный, он имеет свое лицо. Даже посмотрев отрывок любого спектакля, не зная названия, можно узнать почерк его создателя – Марка Захарова. После его ухода, конечно, что-то нарушилось, но мы изо всех сил стараемся сбросить все, что он создал. В частности, директор бережет его наследие. Но точки зрения актрисы и директора не всегда совпадают. А вокруг этого – много лишних действий, ненужной ин-

формации... Есть люди, которые интересуются только интригами вместо того, чтобы следить за творчеством. Актеры просто хотят работать и не очень-то влезают во взаимоотношения. Все стремится к одному – чтобы театр жил и процветал. Я думаю, со временем все устаканится, и мы сможем работать спокойно.

– В прошлом году ты удовлетворил свои режиссерские амбиции и восстановил замечательный спектакль «Поминальная молитва». Давно у тебя появились такие планы?

– Нет, я даже не понимал, как мне «пересесть на ту сторону» и стать режиссером. Но когда появилась эта идея, с энтузиазмом взялся за дело. Я убежден, что зрители непременно должны видеть этот спектакль – он добрый, смешной, грустный. На мой взгляд, это лучший спектакль Захарова, пик его творчества.

– Может быть, лучший после «Юноны и Авось»?

– Нет, он глубже. «Юнона и Авось» – визитная карточка «Ленкома». В свое время это был прорыв во что-то другое, новое. А «Поминальная молитва» – спектакль, который по разным причинам прожил в театре несправедливо короткую жизнь. Сначала ушел из жизни Евгений Леонов, и эту роль играл Владимир Стеклов, но он покинул театр. Захаров очень хотел, чтобы спектакль жил, и предложил эту роль Армену Джигарханяну. Тот репетировал, но накануне премьеры вдруг отказался играть. Может быть, потому что многие сравнивали его с Леоновым, и ему это не нравилось. Армен вывесил в театре покаянное письмо, где просил прощения у коллег и у Марка. И Захаров закрыл эту тему. Когда Марк Анатольевич ушел из жизни, мы решили создать ему своеобразный памятник, восстановив спектакль. И случилась мистическая вещь. На тридцать девятый день кончины Захарова мы с женой пошли на кладбище просить его благословения на эту идею. Поставили свечи на могиле Захарова и пошли к могиле Леонова. Возвращались по главной аллее. Уже стемнело.

И вдруг мы увидели, что наша свеча все еще горит – ярко-ярко, как фонарь. Мы решили, что это знак согласия... Точно как в самой пьесе Горина: «Это знак? Значит, судьба! Все! Ты дал знак, значит, Ты несешь ответственность». Нашей задачей было максимально бережно вернуть спектакль. И случилось то, что случилось. Теперь это самый продаваемый спектакль в нашем театре. А я вообще не представляю, как мы могли столько лет жить без него.

– Наверняка ты намерен продолжать свои режиссерские опыты?

– Сейчас я как раз этим и занимаюсь. Марк Варшавер дал нам свободу: если есть желание ставить – пожалуйста, только прежде покажите отрывок. И если это будет достойно «Ленкома», то спектакль станет репертуарным. И вот я выбрал пьесу, которую мечтал поставить, предложил артистам бесплатно репетировать. Они ходят на репетиции в свое свободное время. Одному актеру я сказал: «Дай свои свободные дни», а он говорит: «У меня нет свободных дней, я тебе могу дать свои свободные часы». Поэтому у нас репетиции случаются и вечером, и днем. Я им безмерно благодарен. В результате через пару недель мы сдаем большой отрывок из двух первых сцен. Это русская советская классика, но даже не пытай, не скажу, что именно. Если все понравится, то осенью спектакль запустится.

– В наше материальное время такой энтузиазм дорогого стоит. Удачи тебе с этим проектом! Однако в отношении работ других режиссеров ты избирателен. Я читала, как во время спектакля Константина Богомолова ты свистнул и демонстративно вышел из зала... Что тебя так не устроило?

– Богомолов поставил у нас «Идиот» Достоевского и «Борис Годунов» Пушкина. Но над классикой нельзя издеваться. Я не выношу, когда классические произведения коверкаются. Он так издевался над Настасьей Филипповной, что мне даже не

удобно рассказывать. Он хайпует, это его кредо для привлечения зрителей. Захаров, как коллекционер, собирал у себя в театре лучших артистов, ценил новаторство, и после «Идеального мужа» Богомолова хотел, чтобы он что-то сделал в «Ленкоме». Богомолов сделал, и театр разделился пополам. У него нашлись поклонники и среди серьезных людей, например таких, как Александр Збруев и Елена Шанина. Они считали, что

Богомолов – это находка, новое слово и так далее. Другие так не считали. Эти спектакли больше не идут: Захаров их снял, хотя зрители ходили на скандального режиссера.

– Ты работал с легендарными артистами – Леонидом Броневым, Олегом Янковским, Александром Абдуловым... Какими ты их видел не в работе, а в жизни?

– Я очень их любил. Напри-

мер, Леонид Сергеевич Броне-вой – человек сложной судьбы. Он был странный, неприветливый, резкий, совсем недружелюбный. Но это внешние проявления. Он был беззаветно предан театру. А если кого-то любил – так любил. Хотя таких счастливиц было мало. Я принадлежал к их числу. Он даже материл меня иногда, но любил. Абдулов – бесшабашный гуляка, игрок, ловелас, летел по жизни стремительно. Добрейший, гостеприимнейший человек. Помню, я репетировал спектакль «Плач палача», работа у меня вообще не шла, я переживал, страдал. Так он после репетиции забирал меня к себе домой и приводил в порядок разговорными и убеждениями. Говорил, что я прекрасный артист, что надо, конечно, слушать режиссера, но не рефлексировать по этому поводу. И приводил меня в чувство. Олег Иванович Янковский, при всем

своим невероятным шармом и актерском героизме, был человеком с огромным юмором, очень веселым... Интересные и замечательные были люди....

– Ты работал в телевизионном проекте «Жди меня». Сколько там правды, а сколько постановки?

– Сто процентов правды. Очень странно, до сих пор ходит слух, что это постановка. Нет, передача ценна тем, что двадцать с лишним лет помогает находить людей. Этот проект придумал продюсер Сергей Кушнеров, он создал систему «поиск-отклик», которая работала по всему бывшему Советскому Союзу. Ты можешь зайти на сайт «Жди меня», вбить свою фамилию, дату рождения и узнать, не ищет ли тебя кто-то. Иногда отклик приходит сразу, а бывает, что люди годами не заглядывают туда. Существует огромное количество добро-

вольных помощников во всех городах, они бесплатно ищут людей. Очень трудно сдерживать слезы, когда люди находят друга через несколько десятков лет поисков. Это абсолютно честная передача.

– Ты женат уже 34 года. Чья заслуга больше, что вы столько лет вместе, твоя или жены Алины?

– Конечно, Алины. У меня всегда был перед глазами пример моих родителей, которые прожили всю жизнь в любви. Как ни крути, совместная жизнь – это труд и взаимное уважение, и эту «почву», безусловно, всегда больше «воздвигала» Алина, хотя и я не давал поводов усомниться в себе. Мы стараемся беречь друг друга. Я не мыслю своей жизни без нее, как и она без меня.

– Алина – уроженка Тбилиси. И в 2018 году вы в Тбилиси венчались. Почему именно там?

– Во-первых, чтобы сделать Алине приятное, а во-вторых, чтобы сделать приятное себе. Я впервые попал в Тбилиси в очень зрелом возрасте, лет за пять до венчания. И был сражен этим городом наповал, я влюбился в него, мы ездим туда по два-три раза в год. Наряду со многими достопримечательностями неизгладимое впечатление на меня произвел храм Анчисхати. Там мы и венчались. Это самая старая церковь в Тбилиси неподалеку от театра Резо Габриадзе. Она чуть ли не шестого века! Вообще, у Грузии особый дух – это страна богатой культуры, невероятного гостеприимства, какой-то наивности, чувства юмора. Грузины – очень светлые люди.

– У вас большая династия. Твой дедушка был режиссером, брат твоей мамы – оператор, его дочь – актриса, твоего замечательного папу, актера Александра Лазарева, помнят все, твоя шикарная мама – Светлана Владимировна Немоляева, ей недавно исполнилось 85 лет и дай бог ей здоровья...

– Ты еще не все знаешь.

Александр Лазарев и Светлана Немоляева с сыном Александром

Сейчас восполню пробелы... Моя бабушка – звукооператор, работала на фильме «Кубанские казаки». В Питере живет папин двоюродный брат Юрий Лазарев, народный артист в театре Комедии. Его дочка, моя сестра Настя Лазарева, тоже актриса... Огромная династия!

– Твои дети тоже решили не прерывать династию.

– Да, Полина – актриса и режиссер, она сняла уже два коротких метра, сейчас написала сценарий, добыла денег в министерстве культуры и летом, если все будет хорошо, должна начать съемки. А Серега отучился на кинопродюсера, в этом году оканчивает ВГИК.

– Из этого ряда у нас выпадает только Алина, однако обитатели фейсбука знают, как прекрасно она выражает свои мысли и какое у нее чувство юмора. Почему бы тебе не стимулировать ее написание сценария? Сережа – продюсер, ты – режиссер, Полина и бабушка сыграют главные роли.

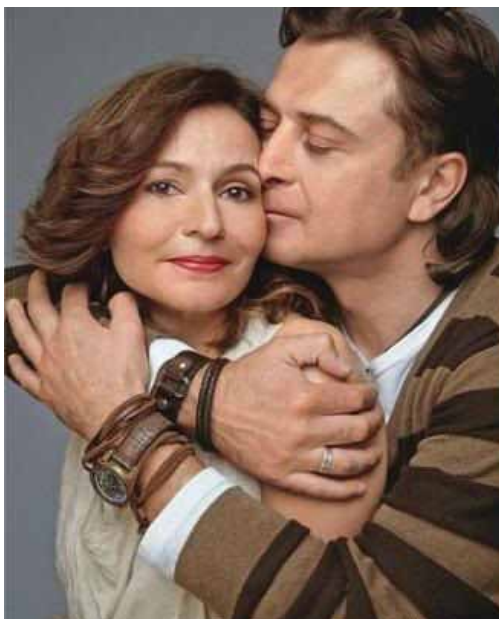
– Отличная идея!

– Саша, каким отцом был твой папа и какой ты отец?

– Мама с папой дали мне все, что можно желать, и дали в меру, чтобы не испортить. Хотя и держали меня в ежовых рукавицах. По большому счету мы с отцом одинаковые. Я на него очень похож. Но по отношению к детям отец был помягче и поспокойней. Я человек импульсивный и беспокоюсь за детей до такой степени, что надо мной уже смеются – ну, успокойся, оставь их, отпусти. А Алина по демократичней, она внутри переживает, но дает детям свободу и меня останавливает от излишней опеки. Ведь у каждого из них – уже своя жизнь.

– Ты доволен своей актерской судьбой?

– Да. Я получал в театре такие роли, какие редко кто получает – в спектаклях «Безумный день, или Женитьба Фигаро», «Королевские игры», «Шут Балакирев», «Пролетая над гнездом кукушки». А в кино я свою роль пока не сыграл.

Александр и Алина Лазаревы

– Что самое важное для актера?

– Думаю, талант и характер. Характер нужен, чтобы сохранить и приумножить талант, и заставить себя работать во благо таланта.

– Можно ли во имя таланта поступаться своими принципами?

– Нет. Есть опасность, что талант растворится от продажности. Например, когда парапсихологи начинают брать деньги, теряют свой дар.

– Насколько ты поддаешься чужому влиянию?

– Я на сто процентов поддаюсь влиянию моей жены.

– Саша, мы беседуем в канун твоего дня рождения – тебе исполняется 55 лет. Хочу поздравить тебя от имени всех наших читателей, подарить бутылку грузинского вина и пожелать, чтобы завтра ты получил предложение сниматься в такой роли, которая сопоставима с твоими театральными работами!

– Спасибо!

АЛИНА

– Алина, ты окончила институт иностранных языков. Чем пожертвовала в связи с замужеством?

– Не могу сказать, что переживаю из-за не состоявшейся карьеры. Я человек без амбиций, поэтому не могу представить вам себя в качестве жертвы. С детства была настроена на семью. Правда, в то время, когда работала как сумасшедшая, думала – как же эти тупые домохозяйки живут? А когда ушла с работы – это было невероятное счастье, честно скажу. Саша зарабатывает, я трачу и прекрасно себя чувствую! У меня нет потребности гордиться собой. Я горжусь Сашей и вполне довольна.

– У вас с Сашей мистическая история знакомства...

– Мистических моментов было несколько. В пятом классе я шла мимо дома, в котором он жил, и вдруг сказала себе: «Я буду жить в этом доме». Когда-то я завидовала нашей с тобой общей подруге, потому что мне очень нравилась ее фамилия – Лазарева. Прошло время, и в один прекрасный день я оказалась на пороге Сашиной квартиры. Он стоял в дверях в майке, на которой было написано «15 мая». А это мой день рождения... Так все сошлось. Думаю, наша встреча была как-то predetermined. К тому же мы оба «тельцы» по гороскопу и очень похожи, хотя разные по темпераменту – он очень эмоциональный, я более сдержанная. Но в принципе идеально подходим друг другу.

– Ты строгий зритель его спектаклей?

– Приходя на премьеру, я всегда нервничаю больше, чем он. Все его роли и реплики партнеров я знаю хорошо, потому что, когда он репетирует дома, я подаю реплики и к выходу спектакля уже вполне в теме. Но не могу оценить, что плохо, что хорошо – у меня все «замылено». Вообще, когда вижу на сцене Сашу, Полину, Светлану Владимировну, я не очень хороший зритель, неадекватный.

– Как Светлана Владимировна встретила тебя в качестве невестки?

– Я ее очень боялась, потому что знала, что Саша единственный и обожаемый сын. И совершенно не боялась Александра Сергеевича. Но все оказалось наоборот. Она была очень рада, что я вошла в семью, а Александр Сергеевич посмотрел на меня сверху вниз и спросил: «Ты хоть до дверного звонка-то достанешь?» И еще он говорил, что так рано жениться – это идиотизм, и рожать – это идиотизм, и что мы сами еще дети. Нам было по 21 году... А Светлана Владимировна совершенно меня не ревновала, никаких сцен никогда не устраивала, и мы с ней дружим до сих пор.

– Понятно, что ты любишь детей одинаково. Но есть ли разница в отношении к сыну и дочери?

– Когда я узнала, что у меня будет сын, я была потрясена тем, что во мне, женщине, сидит мальчик. Саша очень смеялся. А я сказала, ты только представь, что в тебе сидит девочка. Он, конечно, обалдел, потому что никогда не смотрел на ситуацию с этой точки зрения. Я поняла, что мальчики – совершенно другие. Если я знала, чего ждать от Поли, понимала, что она любит, что ей нравится, то вообще не представляла, что может натворить Сережа. У них другая психология, и это дико интересно. Я и сейчас не представляю, как женщина может растить мальчика без мужчины. Это даже опасно, потому что не знаешь, какие идеи могут возникнуть у него. Помню, мы приехали в Испанию в гости к нашим друзьям.

Династия

Там в доме был балкон, а под ним – бассейн. Сережа стоял на балконе. А Саша в комнате мне говорит, как же ты оставила его одного, он сейчас прыгнет в бассейн. Я отвечаю – он же не debil. Но выхожу на балкон и вижу, что он готовится прыгнуть. А для Саши это было очевидно.

– Ты родилась в Тбилиси...

– Мне было 20 дней, когда меня увезли в Москву. Но каждое лето я проводила в Тбилиси, у бабушки и тети с дядей. Тбилиси для меня – совершенно родная земля, и когда приезжаю, потрясающе себя чувствую. Даже физически – как бы жарко ни было, мне всегда хорошо. Я очень люблю этот город и сейчас ужасно по нему скучаю. Саша абсолютно заразился от меня этой любовью. Когда я в первый раз приехала туда с ним, я стояла перед дверью дома, где мы когда-то жили и где живут другие люди, и чуть не плакала. А Саша взял и позвонил в дверь. Нам открыли, и он сказал, что я здесь жила. Нас затащили домой, очень тепло приняли, вышли все соседи, которые помнили маму, папу и меня маленькую, долго не отпускали... Так что это – моя родина.

ПОЛИНА

– Поля, ты актриса театра им. Маяковского. Что нового сейчас происходит в театре?

– Пока ничего. Непонятная ситуация. Последние десять лет нашим худруком был Миндаугас Карбаускис. Сегодня вроде назначили Егора Перегудова... В связи с этим у нас в театре в этом сезоне нет никаких премьер.

– Какая роль тебе больше всего нравится, где тебе комфортнее всего?

– Как говорят актеры, любимая роль – новая. Моя новая работа – в спектакле «Как важно быть серьезным» по пьесе Оскара Уайльда. Спектакль очень живой, не имеющий отношения к политике, но тем не менее злободневный. Там собралась хорошая кампания актеров, красивые костюмы, красивые декорации. А вообще мне нравятся мои роли в спектаклях «Бесприданница» и «Бешеные деньги», там играет Игорь Костоловский, замечательный актер, на которого мы все равняемся.

– Тебе комфортно играть на одной сцене с бабушкой? Она тебе помогает?

– Очень помогает, подсказы-

вает, после каждого спектакля разбираем с ней, что получилось и что не очень. Она очень мягкий человек, никогда не скажет резкого слова. К ее замечаниям я всегда отношусь внимательно и с большим пиететом, потому что они всегда «в яблочко».

– **А что в кино?**

– Больше по мелочи. Пока у меня с кино не случилось такой большой взаимной любви, как с театром. Все еще впереди. Это, наверное, наследственное – бабушка тоже поздно начала сниматься.

– **А твоя певческая карьера? Это просто хобби или есть какой-то план развития?**

– Пока это больше хобби. В силу занятости у меня не очень получается заниматься органи-

зертов пока лежит на моих хрупких плечах, а я бы хотела больше заниматься творчеством, чем организационной работой.

– **В детстве всем задавали вопрос «кого ты больше любишь маму или папу?». Сейчас, с высоты своего возраста, что ты скажешь на тему «мама и папа в моей жизни».**

– Это мои самые близкие люди – папа, мама, обе бабушки, брат. Наверное, чисто по-женски я ближе с мамой, несу ей свои секретки, просто потому, что я девочка и мама девочка. Но это не значит, что я люблю папу меньше или не доверяю ему. Папа талантливый, чуткий, тонкий. Он более трагично смотрит на мир. А мама – огромная оптимистка, ей можно пожаловаться, поплакать в жилетку, и она от этого не упа-

семье быть деньги. А если серьезно, то профессия продюсера – это сборник знаний о кино, это база. Поэтому я сейчас могу работать в кино по любой специальности. Учиться тоже было очень интересно.

– **Каковы перспективы?**

– У меня сейчас есть вариант – работа в продакшене. Если все получится, буду очень рад.

– **Ты очень похож на отца. Режиссерам не приходило в голову использовать ваше сходство?**

– Приходило. В сериале «Разбитое зеркало» я играю персонажа в 90-е годы, а папа – в настоящее время. Я там в малиновом пиджаке, как было модно в те годы.

– **Ты имеешь право критиковать папины спектакли?**

– За всю критику в нашей семье отвечает бабушка, она лучше всех нас разбирается в искусстве, и у нее колоссальный опыт. А я в актерском мастерстве далеко не специалист, поэтому, на мой взгляд, должен сидеть молча.

– **Сережа, есть какие-то нюансы в твоих отношениях с папой и с мамой?**

– С мамой у нас очень дружеские отношения, она всегда меня понимает, если я косячу. У нас часто бывают истории из разряда «только не говори папе». Папа с мамой разные, но в то же время в чем-то очень похожи. С отцом только недавно начали выстраиваться очень теплые отношения, видимо, я потихоньку начинаю соответствовать его представлениям.

Сергей Лазарев, Светлана Немоляева, Александр Лазарев

зацией певческих концертов. Но если в остальных моих ипостасях я рефлексирую могу ли я, имею ли право, смею ли, достаточно ли у меня таланта, то в отношении пения у меня нет сомнений. И никто меня не убедит, что я плохо пою. А если кто-то и скажет так, то я не поверю. Но все складывается нелегко, организация кон-

дет в обморок. А папа очень впечатлительный, его надо беречь.

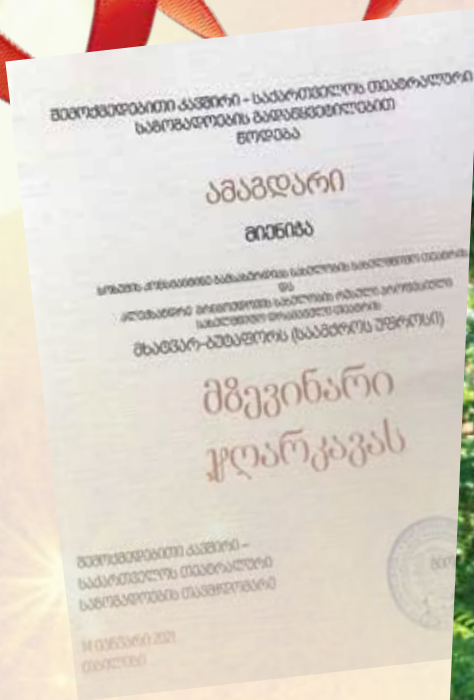
СЕРЕЖА

– **Почему ты выбрал специальность продюсера?**

– Мой излюбленный ответ таков: должны же у кого-то в

P.S. Пока этот материал готовился к печати, директор театра «Ленком» Марк Варшавер принял режиссерскую работу Александра Лазарева, и в декабре этого года театр представит зрителям премьеру – спектакль «Бег» по пьесе Михаила Булгакова. Желаем успеха!

«ЗДЕСЬ МОЙ ДОМ...»

Мзевинар Джгаркава никогда не выходит на поклон после спектакля. И тем не менее горячие зрительские аплодисменты предназначены и ей – заведующей бутафорным цехом Грибоедовского театра. А как иначе? Ведь в каждом спектакле «играют» и те «персонажи», которые созданы ее руками – будь то «мрамор», «гранит» и «бронза» из папье-маше, цветы из материи, торты из губки или деревянные мечи, алебарды и шлемы.

Мало кто из грибоедовцев видел Мзевинар понурой. На ее лице всегда улыбка, и для каждого у нее найдется доброе слово. И, конечно, ее внимания и заботы неизменно удостоиваются братья наши меньшие – все окрестные кошки и собаки.

А ведь судьба далеко не баловала Мзию...

Она родилась в Абхазии. Окончила Тбилисское художественное училище им. М. Тоидзе, работала декоратором в Сухумском драматическом театре им. К. Гамсахурдиа. 19 сентября 1993 года, в три часа ночи, на дом, где она жила, упала бомба. Мзия очнулась в больнице в Гульрипши. Она потеряла слух, получила осколочные ранения по всему телу и тяжелую контузию. Через неделю Сухуми пал... В город вошли наемники. Пошли разговоры, что уходит последний корабль. Мзия, босая, в окровавленных бинтах, вместе с другими ходячими больными поспешила на пристань. Но на корабль они не успели и укрылись в развалинах дома отдыха, ведь слово «грузин» в те дни означало «смертник». Несколько дней ничего не ели, лишь пили воду. Их спасли волонтеры Международного Красного креста: оказали медицинскую помощь и довезли до границы. Вооруженные пацаны на границе приказали: «Идите. Оглянетесь – стреляем». И грузины пошли по мосту... Им удалось добраться до Зугдиди, где их накормили и приютили на ночь в театре. У Мзии в Зугдидском районе жили родственники, к ним она и направилась, предполагая, что все ее близкие, скорее всего, находятся именно там. Когда она, наконец, добралась до места, родные, увидев ее невредимой, остолбенели... Оказалось, они получили известие о гибели Мзии и давно оплакали...

С 1998 года Мзия работает в Грибоедовском театре. «Здесь мой дом, здесь мои друзья, – говорит она. – Другого дома у меня нет. В Абхазию я могу вернуться только в статусе гостя. Но таким образом ехать на родину не хочу. Не хочу быть гостем в собственном доме».

Так и живет наша Мзия, так и работает – несмотря ни на что, со светом в душе.

14 января 2021 года, в День Грузинского театра, решением Театрального общества Грузии, Мзевинар Джгаркава была удостоена почетного звания «Амагдари» («Радетель»). Приятно добавить, что ее номинировали сразу два государственных драматических театра – Тбилисский имени Грибоедова и Сухумский.

Сердечно поздравляем калбатони Мзевинар с круглой датой! Желаем здоровья, радости и благополучия! Пусть все будет хорошо!

Константин Онанашвили (Вачнадзе)

«НЕПОБЕДИМЫЙ ОРЛЕНОК» ИЗ КАХЕТИ

■ Анастасия ХАТИАШВИЛИ

22 июня 1941 года – один из самых страшных и скорбных дней в истории человечества. В этот день началась Великая Отечественная война. Утром, на рассвете, фашистская Германия нанесла первые массированные удары по территории

Советского Союза.

Без официального объявления войны Гитлер начал бомбить аэродромы, железнодорожные станции, военно-морские базы, города. Война продолжалась 1418 дней и ночей и в СССР унесла жизни почти 27 миллионов человек. Среди них – и жизнь доблестного грузина

из княжеского рода, старшего офицера, лейтенанта, артиллериста Константина Иосифовича Онанашвили (Вачнадзе), пропавшего без вести на войне.

Горькую историю бесстрашного лейтенанта Онанашвили нам рассказала его родная племянница, Марина Андреевна Вачнадзе-Дмитриева. Она работает педагогом музыки в Доме детского творчества станции Кавказская Краснодарского края.

Марина Андреевна – талантливый человек, интересная личность. У нее два диплома по специальностям «Преподаватель игры на фортепиано и концертмейстер» и «Учитель музыки». На базе воскресной школы при Свято-Никольском храме в своей станице она ставит рождественские и пасхальные спектакли. Кроме того, Марина Вачнадзе-Дмитриева поет в церковном хоре. В составе женского хора «Благовест» исполняет духовные песнопения на русском и грузинском языках. А еще отвечает за заказы рукописных икон мастерам в Грузии, освящение их на святых местах и доставку в Россию.

Исторические корни князей Вачнадзе, по рассказам предков Марины Андреевны, идут из Гурджаани и Сигнахи региона Кахети. Имена некоторых князей были: Бебуро, Росебо, Ононо. Во времена революционных гонений им пришлось менять фамилии, дабы избежать репрессий. Так появились фамилии: Бебуришвили, Росебашвили, Онанашвили.

«Наша линия Вачнадзе продолжала свое существование уже под фамилией Онанашвили, – рассказывает Марина Вачнадзе-Дмитриева. – Этой фамилии больше ста лет. Самый дальний предок, о котором осталась первая, пусть и маленькая, информация – князь Константин Луарсабович Вачнадзе. Это мой прадедушка. Сохранилась фотография с надписью: «Котэ Вачнадзе – дедушка Андро» (моего папы)».

Князь Вачнадзе взял в супруги девушку Мариам из рода князей Леонидзе, которые жили в Цинандали и даже имели свой фазтон.

«У Константина и Мариам

Справа Константин Онанашвили (Вачнадзе)

родилось пятеро детей: Иосиф (мой дедушка), Геннадий, Андрей, Анастасия и Елена, – говорит Марина Андреевна. – Поместье находилось в Сигнахском уезде Тифлисской губернии, в селе Колаги. Рассказывают, когда изгнали князей, то крестьяне растащили все имущество и даже пианино волокли по улице. В доме моих предков открыли школу, затем, в советское время, это здание выкупил один актер».

Дед Марины, Иосиф Константинович, в 1916 году женился на Наталье Григорьевне Абрамовой. У них было четверо детей: Мариам (1918 г.), Константин (1920 г.), Николай и папа Марины – Андрей (1930 г.).

Окончив курсы дорожных мастеров во Франции, Иосиф Константинович начал строить дороги в Лагодехи и по всей Грузии. «Сохранилось много фотографий с разных участков

строительства с изящными надписями чернильной ручкой на грузинском языке, сделанными инженером по строительству. Построенные моим дедушкой дороги сохранились доньше», – сообщает наша собеседница.

В 1937 году, 7 ноября, дедушку Марины арестовали и сослали в Архангельск, строить Беломорканал. Свидетельство о смерти дедушки было получено в 1938 году. Место смерти и причина – неизвестны. В 1957 году Иосифа Онанашвили (Вачнадзе) посмертно реабилитировали.

Но на этом череда трагических событий в семье Онанашвили-Вачнадзе, увы, не закончилась. Дядя Марины Вачнадзе, Константин Иосифович Онанашвили, пропал без вести во время Великой Отечественной войны. Это произошло в мае 1942 года. Константин служил в чине старшего офицера. Ему был

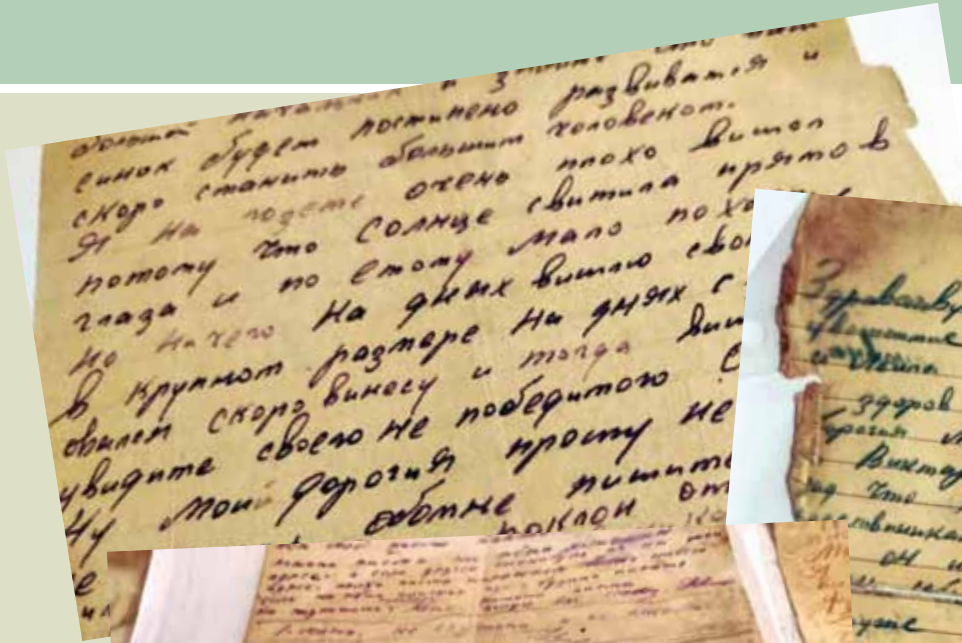
всего 21 год.

«Его письма с фронта поражают и трогают сердце своим оптимизмом, верой в победу, просьбами к маме Наталье Григорьевне, сестре Мариам (Мэри), племяннице Лейле (Лили) и младшему братишке Андрею – жить дружно, заботиться о доме, о живности – лошади и собаке Рябчике, не унывать, не беспокоиться о нем, защитнике Родины, так как у него-то, артиллериста, старшего офицера и командира взвода, находящегося под фашистскими пулями, – все хорошо и замечательно. Главное, чтобы у его Мамы (во всех письмах обращение к маме на «Вы» и с большой буквы) и всех близких было все хорошо», – рассказывает Марина.

И, действительно, читая письма Константина Онанашвили, такие ласковые и трепетные, рассматривая его фотографии, ясно представляешь себе образ доброго и отважного молодого мужчины, жизнь которого, вероятно, трагически оборвалась вдали от дома. Он не без гордости, но и не без чувства юмора, пишет родным: «Гоним немцев беспощадно, убегают без сапог, без кальсон, так что победа за нами. Враг будет разбит».

Вот одно из писем Константина: «Здравствуйте, Дорогие и Многоуважаемые мои Мама, Мэри, Андрюша и Лейла. Как вы поживаете? Я жив и здоров. Того и вам желаю. Дорогие мои, я знаю, что вы очень и очень беспокоитесь о задержке моих писем. Но, дорогая Мамочка, помните. Я вам еще в Тбилиси говорил, что письма будут задерживаться. Так что, дорогие мои, обо мне совсем не беспокойтесь. Я жив и здоров и так буду продолжать. В данный момент я нахожусь за Ростовом. Сегодня, то есть 29 декабря, выслал вам 1400 рублей. Немедленно сообщите о получении... Только вас не хватает, но, дорогая Мама, потому что вы сами знаете тепершнюю обстановку – трудно переезжать с одного места на другое. Но ничего, скоро все успокоится, тогда будем вместе жить. Целую вас всех крепко. Не скучайте. Скоро увидимся. Поклон всем нашим родственникам и знако-

мым. Ваш Константин».

Константин пишет, что они тоже встречают на войне Новый год, что он будет ежемесячно высылать родным по 400 рублей из своего жалования, что сильно беспокоится, если долго не получает весточек от семьи... И подписывается – «Ваш непобедимый орленок, лейтенант Онанашвили».

А вот – письмо из Баку, написанное еще до начала войны, в 1938 году. Константин не забывал делиться достижениями на службе и радовать родных своими успехами: «Я сейчас начальник школы младших командиров, то есть из моей школы выпускаю младших командиров. Так что вы, Мама, со мной не шутите. Я сейчас большой начальник и знайте, что ваш сынок будет постепенно развиваться и скоро станет большим человеком. Я в газете очень плохо вышел, потому что солнце светило прямо в глаза и поэтому мало похож. Но ничего, на днях выш-

лю свое фото в крупном размере. На днях сфотографирую, вышлю и тогда увидите своего непобедимого Орленка».

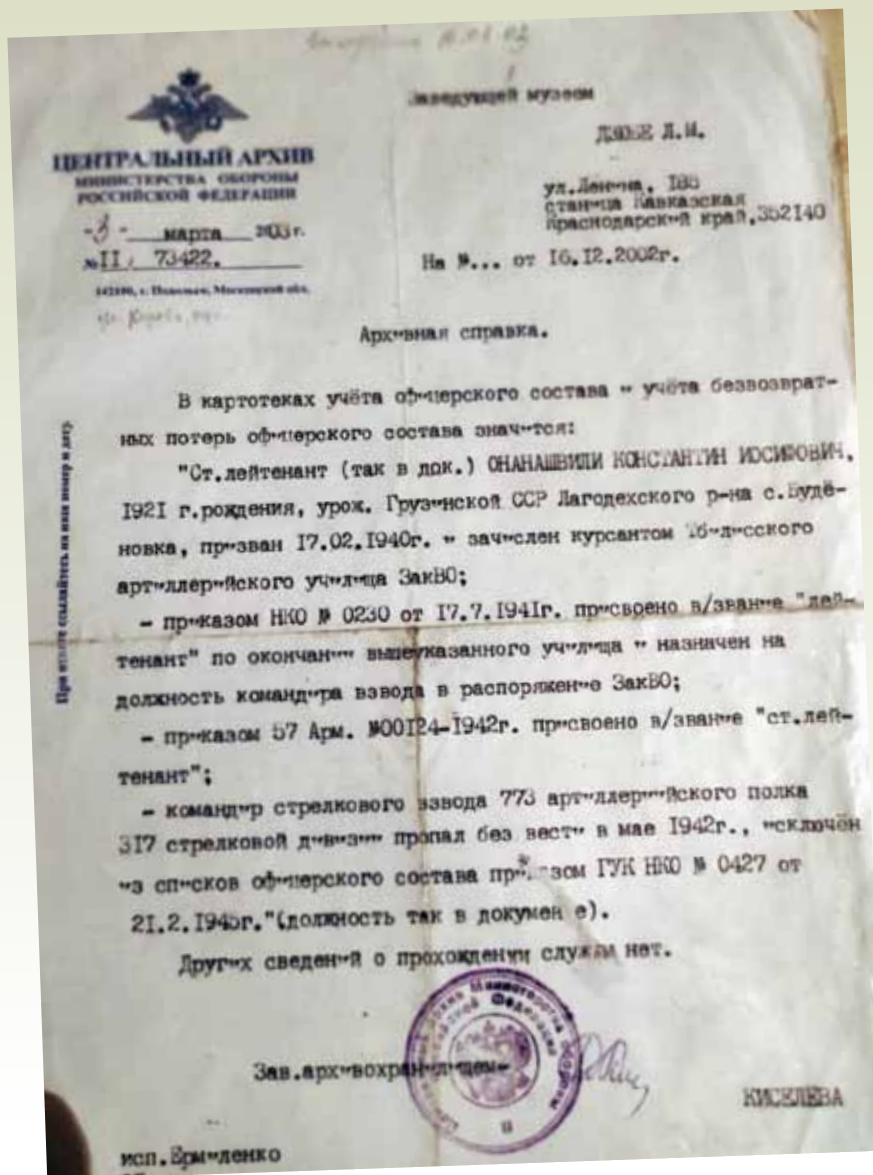
А при чтении этого письма на глаза наворачиваются слезы – в нем столько заботы и нежности к родным, столько взрослой мудрости и скромности, столько нерастроченной любви... «Дорогая Мама, я знаю и чувствую, что вы обо мне все очень беспокоитесь. Но, Мама, я уверяю, что это все понапрасну, потому что я сейчас живу очень хорошо, так, как никогда. Только вас не хватает. А это, потому что это сейчас невозможно. А скоро все уладится и тогда будем все вместе. Я знаю, дорогие Мама и Мэри, что вы сейчас трудность переносите. Но, дорогие мои,

как-нибудь должны потерпеть. Дорогая Мэри, я тебя прошу, чтобы ты из села никуда не уезжала, потому что ты там сейчас очень большую помощь даешь маме. Моя просьба – жить дружно. Не обижать друг друга, смотреть за собою и за мамой, и за детьми. Переносить все трудности. Не падать духом и не унывать. И не скучать за мною».

Искать своего родного дядю Марину Вачнадзе-Дмитриева начала лет тридцать назад.

«Я помнила, как сильно переживал мой папа, что нет следов пропавшего без вести старшего брата Константина, – вспоминает Марина Андреевна. – Помнила, как бережно хранила письма брата Константина с войны его сестра Мэри. И столько лет

приказом НКО №0230 от 17.7.1941 г. присвоено звание «лейтенант» по окончании вышеуказанного училища и назначен на должность командира взвода в распоряжение ЗакВо; приказом 57 Арм. №00124-1942 г. присвоено звание «ст. лейтенант»;

командир стрелкового взвода 773 артиллерийского полка 317 стрелковой дивизии пропал без вести в мае 1942 г., исключен из списков офицерского состава приказом ГУК НКО №0427 от 21.2.1954.

Других сведений о прохождении службы нет».

«Вот таков и был ответ из архива – нет информации о дальнейшем прохождении службы. Пропал без вести 11 мая 1942 года. 11 мая 2022 года исполнилось 80 лет с того дня», – говорит Марина Андреевна.

К сожалению, судьба оказалась суровой не только к Константину, но и к его брату – отцу Марины, Андрею Онанашвили (Вачнадзе).

«Смерть трехлетнего брата Николая от вползшей в постель змеи; сосланный в Архангельск

Три брата Вачнадзе – Геннадий, Иосиф, Андрей

постоянно носила их в кармане своего халата. Эта душевная боль беспокоила и меня».

Марина Андреевна начала активные поиски: сначала писала в Подольский архив, потом в Ростовский военкомат, так как в письмах Константина были упоминания о том, что в 1942 году шли бои под Ростовом.

Вскоре из Подольского архива пришло такое письмо:

«В карточках учета офицерского состава и учета безвозвратных потерь офицерского состава значится: «Ст. лейтенант (так в док.) Онанашвили Константин Иосифович, 1921 года рождения, уроженец Грузинской ССР Лагодехского района, села Буденовка, призван 17.02.1940 г. и зачислен курсантом Тбилисского артиллерийского училища ЗакВо;

Строительство дорог под руководством дорожного мастера Иосифа Онанашвили

и не вернувшийся домой папа, пропавший без вести на войне старший брат Константин, обезумевшая от горя мама – она вырубала виноградник, когда получила известие о старшем сыне... Все эти тяжкие события сильно повлияли на здоровье моего отца уже в его детстве», – рассказывает Марина Вачнадзе.

Получив политехническое образование в Тбилиси и окончив курсы на Литейном факультете в Москве, отец Марины Андреевны, как начальник ОТК Руставского металлургического завода и как инвалид II группы, получил трехкомнатную квартиру в городе Рустави.

По словам дочери, его сильно подводило здоровье: особенно ударили по сердцу два инфаркта миокарда, которые он перенес на работе, прямо в цеху, в молодом возрасте, в 24 года, а затем и в 26 лет.

В 25 лет он женился на красавице Гоарик Тер-Акоповой. У них родились три дочери: Марина, Лиана и Наталья.

«Папа стал инвалидом 2-й группы, в 27 лет уволился с работы, и никогда больше не работал по состоянию здоровья», – продолжает Марина Вачнадзе-Дмитриева. – Но жизнь

продолжалась. С двумя инфарктами он прожил еще 20 лет благодаря лечению и санаториям. И в 1960-1961 году даже построил в Буденовке (прежнее название села Гелати) на месте деревянной хатки, в которой жила его мама, большой дом. Папа умер в 1977 году на 47-ом году жизни от третьего инфаркта в этом же доме. В тот момент, когда ему стало плохо, рядом никого не оказалось».

Бабушка Наталья Григорьевна, вдова Иосифа Константиновича Онанашвили (Вачнадзе) и мама пропавшего без вести на войне старшего офицера, лейтенанта Константина Иосифовича Онанашвили, скончалась на 75-ом году в своем доме, который построил для нее младший сын, папа Марины Андрей Иосифович.

«В этом доме за лежачей бабушкой несколько лет ухаживали».

Иосиф, Наталья, дети Мариам, Константин, Андрей на руках у Иосифа

Андрей Иосифович Онанашвили с сестрой Мариам Иосифовной Вачнадзе-Бахтадзе

вала вместе со своей большой семьей ее дочь, Мэри Иосифовна, в замужестве Бахтадзе, Марико (так называли ее близкие), – говорит Марина Андреевна. – У Мэри Иосифовны и Валериана Варденовича Бахтадзе в семье родились пятеро детей. И младшего сына, кстати, назвали Константином».

Интересная деталь – двадцать лет назад Марина Андреевна вернула себе родную фамилию Вачнадзе. «Для этого я обратилась в местный ЗАГС в станице Кавказской, предоставила старинные фотографии и переписку, в которой в начале прошлого века есть указание адресатов: ея сиятельству Елене Константиновне Княжне Вачнадзе, Сосо (Иосифу) Константиновичу Князю Вачнадзе, и других близких родственников, – отмечает Марина Андреевна. – А через несколько лет Сосо подписывался уже фамилией Онанашвили. Что, однако, не спасло его от ссылки и гибели вдали от родного дома».

«Я сделала то, о чем мои родители даже не мечтали в советское время, – добавляет она. – А к фамилии Вачнадзе добавила через дефис фамилию мужа – Дмитриева. Все по справедливости».

Кстати, свое родовое поместье в Гелати (Лагодехский район, Кахети) Марина Вачнадзе-Дмитриева вместе со своей семьей приводила в порядок

35-летний юбилей совместной жизни Марины Андреевны и Олега Ивановича

в течение последних пяти лет. А вообще уже 15 лет она приезжает сюда из России каждое лето, а то и чаще. Приезжает со своим супругом Дмитриевым Олегом Ивановичем, заслуженным учителем Кубани, уроженцем Тбилиси, окончившим в свое время Тбилискую консерваторию по классу фортепиано. Ведь Грузия – это их родина, кровная связь и любовь навеки.

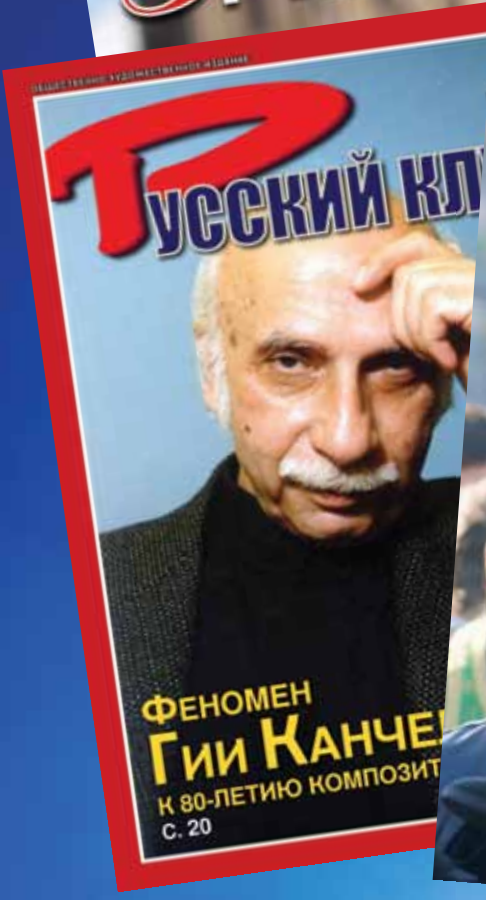
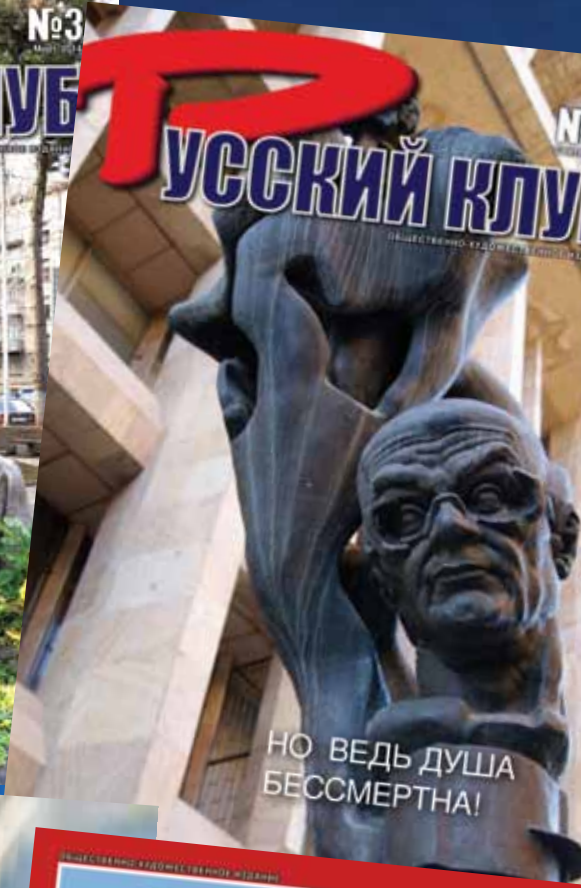
В Грузии родились их трое сыновей. Здесь живут родная сестра Марины Андреевны Наталья и сестра Олега Ивановича – Елена со своими семьями. Кроме того, в этом году Марина Андреевна и Олег Иванович вернули себе гражданство Грузии.

Так семье Марины Андреевны удалось сделать большое дело: вернуть подлинную фамилию предков, сохранить гражданство Грузии и восстановить дорогое сердцу родовое поместье Вачнадзе.

Марина Андреевна признается: несмотря на то, что она до сих пор ничего не знает о судьбе своего славного дяди Константина, по сей день не теряет надежды, что когда-нибудь все же

найдет его след, хотя бы место его гибели или могилу. А пока она хранит о нем память, оцифровывает все старинные фотографии и переписку большой знатной семьи, скрупулезно записывает всю информацию о предках и передает эти знания своим сыновьям и внукам. Ведь пока жива память о наших героических предках – живы и они. Героям слава! ■

2000

Фото Светланы Синаташвили